

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Разговор восьмой

Макиавелли

Я беру максимально крайний случай и выбираю в качестве примера государства республику. При монархии роль, которую мне хотелось бы играть, была слишком легкой. Я выбираю республику, так как при такой форме правления мне предстоит, как вам кажется, столкнуться с почти неодолимым сопротивлением идей, нравов и законов. Вы не против? Таким образом, я принимаю из ваших рук некое, большое или маленькое, государство; допустим, что оно располагает всеми возможными учреждениями, гарантирующими его свободу, и мне остается задать вам только следующий вопрос: верите ли вы, что его правительство защищено от путча, или, как говорят сегодня, государственного переворота?

Монтескье

Конечно, нет; но согласитесь, по крайней мере, что такое предприятие сегодня, при том как общество устроено и сколь велико его участие в политике, в высшей степени затруднительно.

Макиавелли

Почему же? Разве сейчас эти общества не так же, как всегда, в руках политических партий? Разве нет повсюду элементов, провоцирующих гражданскую войну, задумывающих переворот, стремящихся к власти?

Монтескье

Может быть; однако полагаю, что могу быстро объяснить вам, в чем вы заблуждаетесь. Такие захваты власти чрезвычайно редки, поскольку противоречат современному устройству, и даже если предположить их

удачный исход, они вовсе не обладают тем значением, которое вы, как кажется, склонны им приписывать. Смена власти не приведет к смене институтов. Может случиться, что некто, претендующий на власть, свергнет государство в беспорядки; полагаю даже, что его партия может победить, затем власть перейдет в другие руки, и это все. Но государственное право, а с ним и основы самих институтов, останется неизменным. Оно не меняется.

Макиавелли

Вы действительно питаете такие иллюзии?

Монтескье

Докажите обратное.

Макиавелли

Вы, стало быть, согласны, что захват власти у существующего правительства вооруженным путем может некоторое время быть успешным?

Монтескье

Да.

Макиавелли

Тогда рассмотрим ситуацию, в которую я попал. Я подавил любую власть, кроме собственной. Если продолжающие пока что существовать институты и способны помешать мне, то только чисто формально; в действительности мои самовольные действия не могут столкнуться с реальным сопротивлением; короче говоря, мое свободное от законов состояние есть то, что римляне называли прекрасным и энергичным словом «диктатура». Это означает: теперь я могу все, что мне угодно. Я издаю законы, я их исполняю и я на коне как главнокомандующий. Запомните это хорошенько. Я победил потому, что опирался на одну из партий, а это означает: захват власти может произойти только в условиях глубокого внутреннего раскола. Можно сказать, я обязан им случаю, но нельзя заблуждаться относительно причин этого случая. Речь будет идти о противоречиях аристократии и народа или буржуазии и народа.

В сущности, иначе и быть не может; поверхностному же взгляду предстанет сумятица идей, мнений, взглядов и противоборствующих течений, как во всех государствах, где свобода воцаряется хоть на минуту. Присутствуют политические элементы всех сортов, остатки некогда победоносных партий, ныне разбитых, безудержное честолюбие, разъедающая ненависть, непримиримая зависть, повсеместный террор, сторонники всех взглядов и всех доктрин, реакционеры, демократы, анархисты, утописты — все при деле, все совместно трудятся над ниспровержением существующего порядка. К каким же выводам можно прийти перед лицом подобной ситуации? К двум. Первый: стране совершенно необходим покой, и тому, кто его даст, она не откажет ни в чем. Второй: при таком разброде партий нет никакой реальной силы, вернее, есть одна-единственная: народ.

Я — один из победоносных стражей власти. Допустим, что я обладаю уважаемым, известным из истории именем, способным воздействовать на воображение масс. Я обопрюсь о народ подобно Писистрату, Цезарю, Нерону. Это азбука любого узурпатора. Слепое насилие даст мне в руки возможность безнаказанно творить все, что заблагорассудится, а авторитет народа освятит все мои деяния. На самом деле народу плевать на изобретенную вами легальность, на ваши конституционные гарантии.

Партии я заставил замолчать, а теперь вы увидите, как я буду действовать далее.

Возможно, вы не забыли тех правил, что я выдвигаю в своем труде о государе, там, где речь идет об удержании захваченных территорий. Узурпатор государственной власти оказывается в положении захватчика. Он вынужден устраивать все по-новому, ликвидировать государство, уничтожать граждан, менять образ жизни.

Такова цель. Но в современной ситуации ее можно достичь только окольными путями, двусмысленными средствами, ловкими комбинациями и по возможности не применяя насилия. Поэтому существующие институты я не буду уничтожать непосредственно, но неприметно завладею ими всеми и нарушу механизм их действия. Так я по очереди поступлю с прессой, судоговорением, выборами, личной свободой, школами. Через голову существующих законов я введу совершенно новое законодательство, не отменяя старого: сначала я отесню его на задний план, потом заставлю исчезнуть полностью. Это мои основные действия, а теперь я в подробностях расскажу вам об их осуществлении.

Монтескье

Как жаль, что вы не прогуливаетесь более в садах Ручелли и не проповедуете там это прелестное учение, как огорчительно, что потомки лишены возможности слышать вас.

Макиавелли

Утешьтесь. Для того, кто умеет читать, обо всем этом сказано в книге о государе.

Монтескье

Оставим это. Итак, вы захватили власть. Ваши действия?

Макиавелли

Сначала — великие шаги, затем — маленькие.

Монтескье

Итак, сначала — великие.

Макиавелли

Успешное ниспровержение существующей власти — еще не все. Партии по большому счету не считают себя разбитыми. Еще не ясно, насколько хватит энергии узурпатора; его захотят испытать и поднимутся против него с оружием в руках. Тут и настанет момент начать террор против всего общества, который заставит содрогнуться самые отважные сердца.

Монтескье

Что же вы намереваетесь делать? Вы ведь сказали, что испытываете отвращение к кровопролитию.

Макиавелли

Нельзя допускать ложной гуманности. Общество под угрозой и имеет право защищаться. Неумолимая твердость и даже величайшая жестокость только предотвратят новое кровопролитие в будущем. Не спра-

шивайте меня о конкретных действиях. Но нужно, чтобы ужас раз и навсегда сковал сердца людей, а страх вселил в них покорность.

Монтескье

Да, вспоминаю, вы проповедуете это в своей книге о государе, рассказывая об ужасающих деяниях Цезаря Борджиа в Чезене.¹ Вы остались прежним.

Макиавелли

Нет, позже вы поймете, что я поступаю так только по необходимости, сам страдая от этого.

Монтескье

А кто же будет проливать кровь?

Макиавелли

Армия! Исполнительная власть государственного правосудия, руку коей жертвы не обесчестят никогда. Две цели величайшей важности будут достигнуты с применением армии для акций подавления: с одной стороны, с этого момента на веки вечные она станет враждебной гражданскому населению, которое она безжалостно карает; с другой стороны, ее судьба будет неразрывно связана с судьбой ее предводителя.

Монтескье

И вы полагаете, что пролитая кровь не падет на вас?

Макиавелли

Нет, потому что властитель в глазах народа не имеет ничего общего со злодеяниями солдатни, которую не всегда, как известно, легко утихомирить. Ответственность за это понесут генералы, слуги, исполнявшие мои приказы. Но они — уверяю вас — будут верны мне до последнего вздоха; они-то очень хорошо знают, что их ждет, если не будет меня.

¹ Государь. Глава VII.

Монтескье

Это, стало быть, ваше первое мероприятие в качестве единовластного правителя. А второе?

Макиавелли

Не знаю, обращали ли вы внимание, сколь важны в политике мелочи. После того, о чем я вам только что поведал, я велю чеканить на каждой новой монете свой портрет и пущу в обращение множество таких монет.

Монтескье

Посреди государственных забот это будет, однако, ребячеством.

Макиавелли

Вы так полагаете? Вы никогда не были практиком власти. Отчеканенное на монете лицо — знак самой власти. Сперва найдутся гордецы, которых это повергнет в ярость, но постепенно все привыкнут. Даже враги моего правления будут вынуждены носить в кошельке мой портрет. Совершенно очевидно, что вскоре люди станут смотреть на черты, запечатленные на основе всякого благополучия и удовольствия, гораздо снисходительнее. С того дня, когда мое лицо появится на деньгах, я — король.

Монтескье

Согласен, эта мысль для меня нова. Но оставим это. Вы ведь не забыли — народы нового времени имеют привычку издавать конституции, гарантирующие их права. Ваша основанная на насилии власть, планы, которые вы мне изложили, не отступят ли они перед конституцией, все основы, максимы, принципы которой противоречат вашим принципам правления?

Макиавелли

Я издам другую конституцию, вот и все.

Монтескье

И вы считаете, что это не составит никакой трудности?

Макиавелли

Какие еще трудности? Больше нет никакой воли и никакой власти, кроме моих, опора моя — народ.

Монтескье

Это так. Но у меня остается одно сомнение: после того, что вы мне рассказали, я сомневаюсь, что ваша конституция станет памятником свободы. Вы считаете, что одного-единственного разрешенного насилием кризиса, одного-единственного успешного государственного переворота довольно, чтобы лишить народ всех его прав, завоеваний, институтов и принципов, которыми он привык руководствоваться в жизни?

Макиавелли

Простите! Не так скоро. Я ведь сказал вам: народы — как люди, видимость влечет их сильнее истины. В области политики это правило, которому я буду следовать, не рассуждая. Будьте добры, перечислите-ка мне еще раз принципы, которым вы придаете первостепенное значение, и вы увидите, что, против ваших ожиданий, они меня вовсе не смутят.

Монтескье

Макиавелли, во что вы их превратите?

Макиавелли

Не бойтесь же, назовите мне эти принципы.

Монтескье

Признаюсь, я вам не доверяю.

Макиавелли

Ну так я сам напомню их вам. Наверняка вы упомянули бы принцип разделения властных функций, свободу слова и печати, свободу религии, свободу личности, свободу собраний, равенство перед законом, неприкосновенность движимого и недвижимого имущества, право на жалобы, добровольную уплату налогов, соразмерность наказаний, необратимость законов. Довольно или вам угодно еще?

Монтескье

Я полагаю, Макиавелли, этого более чем достаточно, чтобы весьма осложнить ваше правление.

Макиавелли

В этом вы ошибаетесь, а сами принципы настолько справедливы, что я не премину провозгласить их публично. Если вам угодно, я даже сделаю из них введение к моей конституции.

Монтескье

Вы уж доказали мне, что вы — великий волшебник.

Макиавелли

Никакого волшебства. Просто нужно уметь делать политику.

Монтескье

Но как же вы собираетесь ввести эти принципы в ваше законодательство, а потом вовсе не соблюдать их?

Макиавелли

Будьте осторожны! Я сказал, что провозглашу эти принципы, но не говорил, что собираюсь зафиксировать их письменно или выполнять.

Монтескье

Как это?

Макиавелли

Я не собираюсь вдаваться в подробности. Я ограничусь заявлением, что признаю и поддерживаю все основы современного права.

Монтескье

Не понимаю, что означает это замалчивание подробностей.

Макиавелли

Сейчас вы увидите, насколько это важно. Если я буду останавливаться на этих правах подробно, свобода моих действий будет связана их ясными юридическими формулировками, чего я не хочу. Не останавливаясь же на них подробно, я создам впечатление, словно признаю их все, а в частности не признаю ни одного. Это позже позволит мне отменить при введении чрезвычайного положения те права, которые я сочту опасными.

Монтескье

Ясно.

Макиавелли

Кроме того, некоторые из этих принципов относятся, строго говоря, к государственному и конституционному праву, а другие — к гражданскому праву. Этого разделения при осуществлении абсолютной власти следует строго придерживаться. Сильнее всего народы привязаны к своим гражданским правам. Потому я не буду их касаться, пока только это возможно, и таким образом, по меньшей мере, часть моей программы окажется выполненной.

Монтескье

А государственное право?..

Макиавелли

В моей книге о государе я выдвинул положение, справедливое по сути: «Подданные всегда довольны государем, если он не посягает на их достояние и их честь; ему придется столкнуться с сопротивлением лишь незначительной кучки недовольных, с которыми он легко справится». Это ответ на ваш вопрос.

Монтескье

Строго говоря, его нельзя признать удовлетворительным. Можно возразить, что права государства тоже являются достоянием, что они важны для чести народов, что вы, покушаясь на государственное право,

затрагиваете достояние народов так же, как их честь. Можно добавить еще, что соблюдение гражданского законодательства тесно связано с соблюдением государственного права. Кто даст гражданам государства гарантию, что, лишившись сегодня политической свободы, они не утратят завтра личной свободы, что, подняв сегодня руку на их свободу, вы не протянете ее завтра к их имуществу?

Макиавелли

Разумеется, эти возражения будут выдвигаться, но, полагаю, вы сами отдадите себе отчет в их преувеличенности. Мне все кажется, вы верите, будто современные народы прямо-таки изголодались по свободе. Ну а учили вы тот случай, что они и слышать больше не хотят о ней, и можете ли вы требовать от государя, чтобы он обладал большим свободолюбием, чем народы? Так попытайтесь опросить большинство вашего до глубоко сонного общества, в котором каждый живет только своими материальными интересами и эгоизмом, и вы увидите, как со всех сторон в ответ раздастся: Что за дело мне до политики? Какое мне дело до свободы? Не все ли равно: что то правительство, что это? Разве правительство не должно держаться?

Кроме того, имейте в виду: так говорит не только народ, но и буржуа, промышленники, интеллектуалы, богатые, образованные, все, кто в состоянии применить на деле ваши прекрасные теории государственного права. Они будут благословлять меня, восклицая, что я их спас, что их слишком мало, что они не способны руководить собой сами. Народы, видите ли, втихомолку обожают гениальных насильников. Обо всех актах насилия, проведенных с должной ловкостью, они будут говорить более с восхищением, чем с порицанием: это, конечно, нехорошо, но ловко сделано, изящно и красиво.

Монтескье

Вы, стало быть, вновь возвращаетесь к той части вашего учения, которую, как автор книги о государе, вы, так сказать, обязаны защищать по роду занятий.

Макиавелли

Нет-нет, мы как раз говорим о его практическом применении. Я наверняка преуспел бы еще более, если б вы не втянули меня в побочные дискуссии. Начнем же с того места, где остановились.

Разговор девятый

Монтескье

Вы остановились на издании конституции без народного одобрения.

Макиавелли

Я вынужден прервать вас. Я никогда не говорил, что буду отказываться от идей, власть которых мне известна.

Монтескье

Да неужели!

Макиавелли

Я говорю совершенно серьезно.

Монтескье

Вы, следовательно, допускаете участие народа в этом важнейшем деянии?

Макиавелли

Да, разумеется. Вас это удивляет? А я пойду еще дальше. Прежде всего, путем всенародного референдума я легализую произведенный государственный переворот. Я обращусь к народу с такими речами: «Дальше так продолжаться не могло. Я все сокрушил. Я спас вас. Вы сердитесь на меня? Вы свободны, при помощи референдума вы можете осудить или оправдать меня».

Монтескье

Свобода под гнетом террора и власти армии.

Макиавелли

Меня будут приветствовать с ликованием.

Монтескье

В это я верю.

Макиавелли

И референдум, который я сделал орудием своей власти, станет основой моего правления. Я проведу референдум, не учитывая классовых и имущественных различий, и он в секунду утвердит абсолютизм.

Монтескье

Конечно! Потому что одним ударом вы одновременно уничтожите семейное согласие, обесцените референдум, ликвидируете преимущества образования и сделаете из толпы слепую силу, которой будете править по своему усмотрению.

Макиавелли

Я претворю в жизнь только одну прогрессивную идею, к которой живейшим образом стремятся сейчас все народы Европы. Я организую референдум так, как это сделал Вашингтон в Соединенных Штатах, а первой задачей, которую я поставлю перед ним, будет утверждение моей конституции.

Монтескье

Как? Вы хотите подвергнуть ее обсуждению в народных собраниях или собраниях народных представителей?

Макиавелли

Ну, нет! Пожалуйста, оставим, наконец, идеи восемнадцатого века; современному положению вещей они более не соответствуют.

Монтескье

Так как же тогда вы собираетесь обсуждать свою конституцию? Как будут дискутироваться ее основные положения?

Макиавелли

Я даже и не думаю дискутировать о них. Я уже вроде бы говорил вам об этом.

Монтескье

Мы с вами начали толковать о принципах, которые вам благоугодно будет избрать. Вы поведали мне о Соединенных Штатах. Не знаю, может, вы и второй Вашингтон; но мне определенно известно, что современная конституция Соединенных Штатов была обсуждена и утверждена голосованием народных представителей.

Макиавелли

Ах, ради Бога! Не путайте времена, страны и народы. Мы в Европе. Моя конституция будет, в общем, предложена, и, в общем, принята.

Монтескье

Этим вы никого не введете в заблуждение. Как может народ, голосуя в таких условиях, знать, что он делает, и какие последствия для него это будет иметь?

Макиавелли

А где вы видели хоть когда-нибудь, чтобы конституция, по-настоящему заслуживающая этого имени и имевшая силу долгое время, была принята в результате всенародного обсуждения? Конституция в законченном виде должна быть плодом размышлений одного человека, или из нее ничего не выйдет. Без единого источника, без согласованности частей, без учета практических последствий она неизбежно будет страдать близорукостью, легкой в ее основу.

Повторю еще раз: конституция может быть творением исключительно одного человека. Никогда и не было иначе. Об этом свидетельствуют истории всех основателей государств: Сезостриса, Соломона, Ликурга, Карла Великого, Фридриха II, Петра I.

Монтескье

То, что вы мне рассказываете, является изложением одной из глав сочинения вашего ученика.

Макиавелли

Кого вы имеете в виду?

Монтескье

Жозефа де Местре. Все это общие места, в которых есть что-то истинное. Однако нахожу, что здесь они неприменимы. Послушать вас — так кажется, что вы хотите вывести некий народ из хаоса и тьмы, его первоначального состояния. Вы, кажется, позабыли, из какого предположения мы исходим: народ достиг вершин культуры, его публичное право прочно, он располагает упорядоченными институтами.

Макиавелли

Я и не спорю с этим. Кроме того, вы увидите, что мне, для того, чтобы достичь своих целей, совсем не надо разрушать ваши институты сверху донизу. Достаточно изменить их устройство и состав.

Монтескье

Объяснитесь.

Макиавелли

Вы только что прочли мне лекцию по конституционным вопросам; я извлеку из нее необходимую пользу. Собственно, я не так далек от всех этих идей о сбалансированности власти, как об этом думают в Европе. Это ясно из моего сочинения о Тите Ливии. Но к делу! Вы справедливо отметили, что в имеющих парламентский способ правления государствах Европы властные функции почти одним и тем же образом распределяются между политическими институтами, за согласованностью действий которых следит правительство. Так, под разными именами, но почти с одними и теми же полномочиями повсюду имеются совет министров, сенат, законодательное собрание, государственный совет, верховный суд. Не буду останавливаться на ненужном описании механизма функционирования этих носителей властных функций. Вам его секреты известны лучше, чем мне. Ясно, что каждый из них играет важную роль в управлении. Заметьте хорошенько, что функцией я называю не институт, а нечто более существенное. Должна существовать руководящая, правящая, законодательная, приказная государственная власть, в этом не может быть никакого сомнения.

Монтескье

Но, насколько я понял вас, все эти функции в ваших глазах являются одной единой, вы вручите ее одному-единственному человеку и подавите институты.

Макиавелли

Повторяю еще раз, что вы заблуждаетесь, нельзя поступать, таким образом, безопасно для себя. Особенно в вашей стране, при том фанатизме, с которым у вас выступают за так называемые принципы 1789 г. Но будьте так добры, выслушайте же: в статике изменение точки опоры изменяет направление действия силы; в механике перемещение пружины меняет движение. А по виду это тот же аппарат, тот же механизм. Точно так же в физиологии темперамент зависит от состояния органов. Так различные институты, о которых мы только что говорили, функционируют в государстве, как настоящие органы в человеческом организме. Органы останутся, но политический характер государства изменится, понимаете?

Монтескье

Это не сложно, и разъяснения не требуются. Устраняя предметы, вы сохраняете имена. Таким же образом поступил в Риме Август, уничтожая республику. Остались консулы, преторы, цензоры, трибуны, но только по форме, а не по сути.

Макиавелли

Вы могли бы найти и более вопиющие примеры. При республике можно сделать все, что угодно, льстя народным предрассудкам и соблюдая декорум.

Монтескье

Не предавайтесь вновь общим рассуждениям. Вы как раз добрались до сути, я слушаю вас.

Макиавелли

Не забывайте: каждое мое действие проистекает не из личных убеждений. В моих глазах ваши парламентские правительства — не более

чем клубы ораторов, инкубаторы выхолощенного красноречия, расточающие плодотворяющие силы народов, обреченных говорунами и пресой на бессилие? Поэтому их судьба не вызывает у меня никаких сомнений. Я исхожу из высших интересов и цель, преследуемая мной, оправдывает мои действия. Абстрактные теории я заменяю практическим разумом, опытом столетий, примером гениальных мужей, которые теми же средствами вершили великие дела. Я начну с того, что создам государственной власти условия, ей жизненно необходимые.

Моя первая реформа коснется того, что вы именуете ответственностью государственных министров. В странах с централизованным управлением, например, в вашей, где общественное мнение и в хорошем, и в дурном, инстинктивно ориентируется на главу государства, было бы неверным вводить людей в заблуждение не навязывать им фикцию, не имеющую шансов удержаться в революционной буре, открывая конституцию фразой о том, что на суверена не может быть возложена ответственность. Поэтому я начну с того, что упраздню в моей конституции принцип ответственности министров. Нести ответственность будет только суверен, и не перед кем иным, как перед народом.

Монтескье

Хорошо, по крайней мере, кратко и ясно!

Макиавелли

При вашей парламентской системе, как вы объяснили, законодательная инициатива принадлежит народным представителям неисключительно, или совместно с исполнительной властью. Это и есть источник самых серьезных недоразумений; при таком положении вещей любой депутат при первой возможности захочет править и станет предлагать нам менее продуманные и наименее обоснованные проекты законов. Более того, с помощью парламентских инициатив парламент сочтет это право удобным для себя, сможет сместить правительство. Именно поэтому право законодательной инициативы должно принадлежать исключительно суверену.

Монтескье

Я вижу, вы идете к абсолютизму прямым путем. В государстве, где законодательная инициатива принадлежит только суверену, правитель является единственным законодателем. Однако, прежде чем вы продол-

жите, мне хотелось бы заметить вот что. Вы уверены, что возводите свои постройки на скале, а я нахожу — что на песке.

Макиавелли

В каком отношении?

Монтескье

Разве не сделали вы основой своей власти референдум?

Макиавелли

Разумеется.

Монтескье

Но тогда вы только уполномоченный, которого народ, и являющийся собственно субъектом государственной власти, вправе отозвать. Вы полагаете, что сможете сделать этот принцип основой своей власти; при этом вы не учитываете, что в любую минуту вас могут свергнуть. С другой стороны, вы заявляете, что несете ответственность в одиночку. Неужто вы считаете себя ангелом? Да и будь вы им, тем не менее, при первом же случившемся несчастье вину припишут вам, и первый же кризис вас погубит.

Макиавелли

Вы забегаете вперед. Упрек преждевременный. Но я сразу отвечу на него, поскольку вы меня к этому вынуждаете. Полагая, что я этого не предусмотрел, вы заблуждаетесь. Если что-либо и сможет поколебать мою власть, так только партии. Но от них меня защищают два важных права, включенных в мою конституцию.

Монтескье

Что же это за права?

Макиавелли

Право апеллировать к народу и право вводить в стране военное положение. Я главнокомандующий армии, вся государственная власть в

моих руках; штыки научат уму-разуму всех, кто попробует сопротивляться и после референдума обнаружится, что моя власть вновь упрочилась.

Монтескье

На такие доводы ответа нет. Но не будете ли вы любезны вернуться к законодательному институту, на котором мы остановились. Я не вижу пока, как вам удастся справиться с этим пунктом. Вы лишили законодательное собрание законодательной инициативы; но оно сохраняет право голосовать за законы, которые вы ему предлагаете для принятия. Вы, по всей видимости, не считаете, что оно воспользуется этим правом?

Макиавелли

А вы мнительнее меня; сознаюсь, что не вижу в этом ничего такого. Поскольку предложить на рассмотрение проект закона не может никто, кроме меня, я могу не бояться, что кто-то предложит закон, направленный против меня и моего правления. Ключ от святыни при мне. Я ведь уже говорил вам, что в мои намерения входит сохранить видимость наличия всех институтов. Должен, однако, заявить вам, что вовсе не собираюсь оставить парламенту то, что вы называете правом поправки. Ведь ясно, что при функционировании подобного права не может быть закона, который поддавался бы изменению, смысл которого можно было бы толковать иначе. Закон принимается или отклоняется, более не существует никаких возможностей.

Монтескье

Но чтобы свергнуть вас, больше ничего и не нужно. Достаточно законодательному собранию отклонять все предлагаемые вами законы, достаточно даже, чтобы оно отказалось голосовать за налогообложение.

Макиавелли

Вы и сами знаете, что ход вещей будет совершенно иным. Парламент — каков бы он ни был, даже если он безрассудно препятствует всем общественным делам — сам готовит собственное падение. Кроме того, найдется тысяча способов, чтобы укротить власть такого парламента. Я вполтину сокращу число депутатов, и буду иметь вдвое меньше политических противников. Я сохраню за собой назначение

президента и вице-президента, которые руководят дебатами. Вместо перманентного функционирования я ограничу сессии парламента несколькими месяцами. А прежде всего я сделаю нечто очень важное, мне говорили, что это уже начинает применяться на практике: я отменю положение, согласно которому деятельность парламентариев безвозмездна. Я пожелаю, чтобы депутаты получали жалование, чтобы их деятельность была каким-то образом вознаграждена. Такое нововведение, с моей точки зрения, — надежнейшее средство привязать народных представителей к правительству. Полагаю, что объяснения вам не нужны; действенность этого средства и так очень понятна. Добавлю только, что в качестве главы исполнительной власти я имею право созыва и роспуска законодательного собрания, и в случае роспуска до нового созыва пройдет очень долгое время. Но успокойтесь, скоро мы доберемся до совсем иных практических средств привязывания их к государственной власти.

Достаточно о конституции? Или продолжить?

Монтескье

Совершенно не нужно; вы можете переходить к организации сената.

Макиавелли

Я вижу, вы довольно-таки хорошо поняли, что этот момент — главный для меня, так сказать, замковый камень в куполе моей конституции.

Монтескье

Поистине, ума не приложу, что вы еще можете сделать; по моему разумению с этого момента вы — полный хозяин в государстве.

Макиавелли

Вы радуете меня этим признанием; в действительности же власть не может стоять на столь зыбкой почве. Суверена должны поддерживать корпорации, импонирующие великолепными титулами, достоинствами и личными заслугами своих членов. Нехорошо, если суверен постоянно участвует во всем лично, если повсюду замечают его руку. Его деятельность должна по мере необходимости скрываться за авторитетом высоких, наделенных властью институтов, окружающих трон.

Монтескье

Сразу видно, что эту роль вы отводите сенату и государственному совету.

Макиавелли

Ничего-то от вас не скроешь.

Монтескье

При этом говорите о троне. Отсюда я заключаю, что вы уже король, а мы до сих пор говорили о республике. Перехода почти не заметно.

Макиавелли

Вы, знаменитый французский правовед, не должны ожидать, что я буду задерживаться на подобных мелочах, являющихся исключительно делом практики. С того момента, когда вся полнота власти сосредотачивается в моих руках, провозглашение меня королем может произойти в любое удобное время. Не важно, сделаю ли я это до или после провозглашения моей конституции.

Монтескье

Это верно. Вернемся же к организации сената.

Разговор десятый

Макиавелли

Предаваясь глубоким изысканиям, предшествовавшим созданию вашего достопримечательного труда «О причинах величия и падения римлян», вы, разумеется, заметили, какую роль играл сенат при императорах, начиная с правления Августа?

Монтескье

С вашего позволения, это тот пункт, который я не уяснил для себя вполне, когда изучал исторические документы. Ясно лишь, что до последних дней республики сенат оставался учреждением, ответственным только перед самим собой, наделенным важными привилегиями и располагающим собственной властью. В этом и заключалась тайна его власти, его глубоких политических традиций и величия, перешедшего от него на римскую республику. Со времен Августа сенат превращается в простое орудие в руках императора, но не известно до конца, при помощи каких государственных актов императорам удалось лишить его власти.

Макиавелли

Я не потому просил вас обратиться к империи, что намереваюсь прояснить этот неразгаданный исторический вопрос. Он сейчас не интересует меня. Я просто хочу сказать вам, что сенат, как я себе его представляю, должен играть при государе ту же роль, что играл римский сенат в период, последовавшим за свержением республики.

Монтескье

Да, но в это время закон уже не принимался народным собранием, его издавал сенат. Вы намереваетесь поступать подобным же образом?

Макиавелли

Нет. Это не соответствовало бы современным основам конституционного права.

Монтескье

Сколь глубокая благодарность причитается вам за это соображение!

Макиавелли

Собственно, мне это совершенно не нужно для проведения в жизнь того, что мне представляется необходимым. Вы ведь уже знаете, что всякий закон принимается лишь по моей собственной инициативе, а, кроме того, я буду издавать указы, имеющие силу законов.

Монтескье

Вы на самом деле вновь забываете об этом пункте, а он имеет немаловажное значение. Тогда я не понимаю, для чего вы сохраняете сенат.

Макиавелли

Поскольку его место — в высших эшелонах власти, то его вмешательство в дела может происходить только по высокосторжественному случаю. Если, например, необходимо покуситься на основы конституции, или когда в опасности государство.

Монтескье

Вы изъясняетесь наподобие оракула. Очевидно, так вы подготавливаете впечатление, которое намерены произвести.

Макиавелли

До сих пор идеей фикс ваших современных специалистов по государственному праву было все предусмотреть, все внести в конституции, которые они даровали народам. Я же не сделаю этой ошибки. Я не намерен устанавливать сам себе границы, которые в дальнейшем не буду иметь права преступать. Я внесу в конституцию только то, что должно быть общеизвестно. Я оставляю за собой возможность изменений, чтобы в случае тяжелого кризиса прибегнуть к иному лекарству, кроме горестного пути революции.

Монтескье

Вот сейчас вы говорите весьма разумно.

Макиавелли

А что касается сената, то о нем в моей конституции будет сказано: «Сенат посредством своих решений устанавливает все, не предусмотренное конституцией и необходимое для ее исполнения. Он решает, какой смысл имеют статьи конституции, допускающие возможность различных толкований. Он приостанавливает или объявляет недействительными все мероприятия, которые правительство или граждане сочтут не соответствующими или противоречащими конституции. Он может

выдвигать общие проекты законов в том случае, если они имеют общенациональное значение. Он может предлагать поправки к конституции и принимать их соответствующим решением».

Монтескье

Все это очень хорошо, это действительно сенат, подобный Римскому. Позволю себе лишь несколько замечаний по поводу вашей конституции. Она, стало быть, будет выдержана в весьма неопределенных и двусмысленных выражениях, если вы заранее предполагаете, что статьи, в ней содержащиеся, могут быть по-разному истолкованы.

Макиавелли

Нет. Но нужно подумать обо всем.

Монтескье

Полагаю, наоборот, вы исходите из того, чтобы отнюдь не все предусмотреть и зафиксировать.

Макиавелли

Видно, что вы были председателем суда и не напрасно занимали этот пост. Мои слова следует понимать буквально: надо предусмотреть абсолютно все.

Монтескье

Ну, так скажите же мне, пожалуйста: имеет ваш сенат, толкователь и хранитель конституции, собственные полномочия?

Макиавелли

Разумеется, нет.

Монтескье

Следовательно, сенат — это вы?

Макиавелли

Не смею возразить.

Монтескье

Следовательно, его толкования — ваши толкования? Его поправки — ваши поправки? Его запреты — ваши запреты?

Макиавелли

Не стану отрицать.

Монтескье

Ну, так это означает: вы оставляете за собой право отмены того, что вы делаете, отобрания того, что вы даете, изменения конституции в лучшую или худшую сторону или упразднения ее в том случае, если это покажется вам необходимым. Не позволяя себе заранее судить о ваших намерениях или мотивах ваших действий, предпринимаемых в тех или иных обстоятельствах, спрошу вас только: где же при столь широком произволе хоть малейшая конституционная защита граждан, но, прежде всего: как могут граждане подчиниться такому произволу?

Макиавелли

Я уж вижу: в вас снова заговорила впечатлительность философа. Успокойтесь: я не посягну на основы моей конституции, не согласовав изменения с народом путем всеобщего референдума.

Монтескье

Но в этом случае человеком решающим, будут ли приняты возможные изменения за основу, и нуждаются ли они в народном одобрении, вновь будете вы сами. Признаю, что-то, что явится результатом плебисцита, вы не провозгласите декретом или решением сената, хотя и могли бы. Будете ли вы разворачивать дискуссию по вашим предложениям? Позволите ли вы обсуждать их народным собраниям?

Макиавелли

Разумеется, нет! Если когда-нибудь в народных собраниях начнутся дебаты по статьям конституции, то ничто не сможет помешать народу в силу его прав обсуждать все, что угодно, и революция — на пороге.

Монтескье

Во всяком случае, вы последовательны. Таким образом, поправки к конституции будут и предлагаться, и приниматься в общих чертах?

Макиавелли

Разумеется, и никак иначе.

Монтескье

Полагаю, можно перейти к организации государственного совета.

Макиавелли

Вы ведете допрос в точности так, как и полагается председателю верховного суда. Я еще позабыл сказать вам, что буду платить жалование членам сената так же, как членам законодательного собрания.

Монтескье

Само собой разумеется.

Макиавелли

Разумеется, не нужно добавлять, что право назначения президента и вице-президента этих высоких собраний я оставляю за собой. Что касается государственного совета, постараюсь быть краток. Ваши современные институты — столь могучие средства централизации власти, что ими почти невозможно пользоваться, не осуществляя верховную власть через одно не них. Что такое государственный совет в соответствии с вашими собственными принципами? Это только с виду политический институт; на самом деле он предназначен, чтобы дать в руки государю значительную власть, а именно, полномочия установления правил судоговорения, полномочия, являющиеся чем-то вроде абсолютной судебной власти, которая, если угодно, может служить тому, чтобы создавать собственными законами. Далее, государственный совет у вас, как мне говорили, имеет особые, еще более широкие полномочия. В спорных случаях — так меня уверили — при помощи апелляции дело может быть передано на его рассмотрение. В силу своих полномочий он может ознакомиться

с любым процессом в судах первой инстанции, если он ему представляется имеющим отношение к административному праву. Короче говоря, административные учреждения могут уклоняться от обычного судебного разбирательства и передавать свои дела на рассмотрение государственного совета. И вновь: что же такое государственный совет? Имеет ли он собственную власть? Независим ли он от государя? Ничуть. Он представляет собой просто редакционный комитет. Если государственный совет дает указ, то он дан правителем. Если он выносит приговор, то это приговор правителя или, как вы сегодня говорите, правительства, правительства государства, которое само себе и партия, и судья. Неужели вы полагаете, что существует большая полнота власти, чем эта, неужели вы полагаете, что отсюда так уж далеко до абсолютизма в государствах, где уже наличествуют подобные институты?

Монтескье

Признаю, ваша критика довольно справедлива. Но поскольку сам по себе государственный совет является предпочтительным институтом, постольку нет ничего легче, как дать ему необходимую независимость путем известном изоляции от государственной власти. Этого вы, конечно, не сделаете.

Макиавелли

Нет, напротив, я сохраню взаимозависимость органов управления там, где она была, и введу ее там, где ее не было; таким образом, я упрочу взаимозависимость институтов, что мне представляется необходимым.

Как видите, мы не остановились на полпути: моя конституция готова.

Монтескье

Уже?

Макиавелли

Нескольких ловких манипуляций с существующими институтами достаточно, чтобы полностью изменить принципы осуществления властных функций. Эта часть моей программы выполнена.

Монтескье

Я думал, вы хотите сообщить мне о верховном суде нечто большее.

Макиавелли

Может, и хочу, но сейчас это неуместно.

Монтескье

Подводя итог полномочиям, находящимся в ваших руках, можно сказать: поистине, вы должны быть удовлетворены. Подведем же итог. Вы создаете законы: во-первых, в форме предложений законодательному институту, во-вторых, в форме указов, в-третьих, в форме решений сената, в-четвертых, в форме общих распоряжений, в-пятых, в форме решений государственного совета, в-шестых, в форме распоряжений министров и, наконец, в-седьмых, в форме государственных переворотов.

Макиавелли

При этом вы, похоже, и не представляете: то, что остается, как раз и есть самое трудное.

Монтескье

Во всяком случае, я этого не предполагал.

Макиавелли

Тогда вы обратили недостаточное внимание на тот факт, что моя конституция умалчивает о целом ряде прав, несогласуемых с тем порядком вещей, который я намереваюсь ввести. Это, например, свобода печати, свобода коалиций, независимость чиновничества, право выбора общинных должностных лиц общинами, гражданская гвардия и еще многое из того, что исчезнет или будет в корне изменено.

Монтескье

Но разве не признали вы этих прав уже одним тем, что торжественно подтвердили основные принципы, из которых они следуют?

Макиавелли

Я уже говорил вам, что не признаю никаких специальных правовых основ и никаких отдельных прав. Кроме того, меры, которые я приму, всего лишь исключения из правила.

Монтескье

И конечно, такие исключения, которые подтверждают правило.

Макиавелли

Но для них нужно тщательно выбрать время; несвоевременное вмешательство в ход вещей может все испортить. В книге о государе я установил принцип, который в таких случаях может быть правилом поведения: «Тот, кто захватывает власть в государстве, должен для ее упрочения совершить все потребные насилия один-единственный раз, чтобы в дальнейшем не было нужды повторять их; позже он не сможет добиться от своих подданных ничего: ни хорошего, ни дурного. Если хочешь свершить зло, так верши его, пока тебе сопутствует удача; если хочешь сделать доброе дело, твои подданные не пожелают изменений, если будут полагать, что принуждаемы к ним». Днем позже после провозглашения моей конституции я издам ряд указов, имеющих силу закона, и таким образом одним ударом упраздню свободы, могущие стать опасными.

Монтескье

В самом деле, время выбрано удачно. В результате вашего государственного переворота страна еще потрясена террором. Что же касается вашей конституции, вам нет запретов: в любом случае вы можете делать все, что заблагорассудится. Что до ваших указов, так они не нуждаются в одобрении: вы ведь ничего не просите, а все берете сами.

Макиавелли

А вы быстро вынесли приговор!

Монтескье

Все же он не так скор, как ваши деяния. С этим вы должны согласиться. Несмотря на вашу сильную руку и тщательно выбранное время, я,

сознаюсь, едва могу поверить, что страна не поднимется, если вы решитесь и на второй переворот, который задумали.

Макиавелли

Страна весьма охотно закроет на него глаза; при том положении вещей, на которое я рассчитываю, ее уже утомили смуты; она жаждет покоя так же, как песок пустыни жаждет ливня, следующего за ураганом.

Монтескье

Да вы к тому же прибегаете к метафорам; это уж слишком.

Макиавелли

Быстро добавлю, что торжественно пообещаю после воцарения мира и покоя вновь допустить все свободы, которые упраздняю.

Монтескье

Полагаю, ожидание будет вечным.

Макиавелли

Вполне возможно.

Монтескье

Нет, наверняка; ведь ваши принципы позволяют государю не держать слова, если это в его интересах.

Макиавелли

Не спешите с подобным утверждением. Увидите, как я поступлю с этим обещанием. Я вижу свою задачу в том, чтобы спустя самое короткое время меня считали самым либеральным человеком в моем царстве.

Монтескье

К этому сюрпризу я не был готов. Пока народ будет этого дожидаться, вы разделаетесь со всеми его свободами.

Макиавелли

Разделаться — неподходящее слово для государственного мужа. Я не стану ни с чем разделяться непосредственно. Силу льва потребно сочетать с лисьей хитростью. На что нужна политика, если не на то, чтобы обходными путями достигать целей, которых не достичь прямо? Основы моего государства заложены, силы наготове, мне нужно только привести их в действие. Это я буду делать со всей осторожностью, которой требуют новые конституционные методы. Тут именно и уместны те искусные приемы управления и законодательства, употреблять которые будет мудрым со стороны государя.

Монтескье

Замечаю, что мы перешли к новому этапу, и готов слушать вас внимательно.

Разговор одиннадцатый

Макиавелли

В своем «Духе законов» вы весьма разумно замечаете, что слово «свобода» есть такое понятие, которое допускает различные толкования. Сдается, что в вашем труде сказано следующее: «Свобода — это право делать то, что дозволено законом».¹

Охотно заимствую это определение, которое нахожу совершенно справедливым, и могу уверить вас, что моими законами будет дозволено только то, что должно. Уж вы узнаете свои идеи. С чего желаете начать?

Монтескье

Хотелось бы узнать прежде всего, как собираетесь вы защищаться от нападков прессы.

¹ Дух законов. Книга XI. Глава 3.

Макиавелли

Воистину, вы касаетесь самой чувствительной точки моего предприятия. Система, которую я думаю применить, всеобъемлющая, и при этом годится для многих конкретных случаев. По счастью, в этой области я обладаю свободой действий. Я спокойно могу придать делу нужный поворот, не подвергаясь никаким упрекам.

Монтескье

Простите, как же это?

Макиавелли

Да так, что в большинстве стран с парламентским образом правления пресса прямо-таки стремится, чтобы ее возненавидели, она всегда служит сильным, эгоистическим, глухим ко всему иному страстям, она клеветает, она продажна, несправедлива, бездушна, короче говоря, и, прежде всего: вы никогда не объясните населению страны, для чего, собственно, существует пресса.

Монтескье

Да, если вы жаждете упреков, что можно сделать прессе, их будет много. Но если вы спрашиваете, зачем она существует, то дело другое. Она просто-напросто препятствует произволу при осуществлении власти. Она заставляет править в соответствии с конституцией. Она, вынуждает представителей государственной власти вести себя прилично, сдержанно, уважая себя и других. Одним словом: тому, кто угнетен, она дает возможность жаловаться и быть услышанным. Можно многое простить учреждению, которое при всех злоупотреблениях делает много добра.

Макиавелли

Разумеется, это оправдание прессы мне известно. Но попробуйте, если сумеете, объяснить это толпе. Считите-ка людей, заинтересованных в прессе, и вы тотчас увидите, как обстоит дело.

Монтескье

И поэтому, конечно, лучше тут же перейти к практическим действиям — как говорится, надеть на нее намордник.

Макиавелли

Совершенно верно, так говорят. Я, собственно, намерен обуздать не только журналистов.

Монтескье

Но все печатное слово.

Макиавелли

Вы становитесь чересчур ироничны.

Монтескье

Вы немедленно лишите меня этой возможности — так же, как собираетесь заткнуть рот прессе во всех ее формах.

Макиавелли

Столь остроумные шутки неподражаемы. Но вы ведь понимаете, не стоит защищаться от нападок журналистов, оставаясь незащищенным от нападок писателей.

Монтескье

Отлично, начнем же с журналистов.

Макиавелли

Просто закрыв все газеты, я найду слишком далеко и весьма неразумно задену чувства народа, задевать которые всегда опасно. Я издам ряд указов, выглядящих так, словно это простые меры предосторожности и организации.

Я распоряжусь, чтобы в будущем ни одна газета не открывалась без разрешения правительства. Таким образом, зло будет пресечено в корне: ведь совершенно ясно, что с этого момента разрешенными газетами будут только те, которые верны правительству.

Монтескье

Однако если вы намереваетесь теперь заняться подобными мелочами, позвольте вопрос: дух газеты всегда зависит от духа сотрудников ее

редакции, как же добьетесь вы устранения редакции, враждебной по отношению к вашей власти?

Макиавелли

Неудачный выпад; если будет нужно, я не санкционирую выпуск ни одной новой газеты. Но, как вы увидите, планы у меня иные. Вы спрашиваете, как я поступлю с враждебно настроенной редакцией? Да очень просто. Я добавлю к указу, что для смены любого главного редактора или издателя необходимо разрешение правительства.

Монтескье

Но старые газеты, оставшиеся врагами вашего правительства, в составе редакций которых не произошло перемен, поднимут свой голос.

Макиавелли

О нет, погодите! Я обложу все существующие и будущие газеты такими налогами, которые заставят их держаться в рамках приличий. Политическим газетам я навязу то, что вы сегодня именуете имущественным обеспечением и гербовым сбором. Индустрия прессы вследствие повышения налогов станет вскоре столь мало выгодной, что заниматься ею станут только по зрелом размышлении.

Монтескье

Это средство не оправдывает себя: политические партии не стеснены в средствах.

Макиавелли

Будьте спокойны. У меня есть средства заткнуть им рот. А именно, мы подходим теперь к мерам по ограничению свободы печати. В Европе есть государства, где суды присяжных имеют право разбирать нарушения законов со стороны прессы. Не знаю ничего более жалкого: ведь таким образом общественность волнуется по поводу всякого измышления журналистов. Нарушение законов прессой — понятие весьма растяжимое, писатели так хитроумно и изощренно маскируют свои выпады, что ни в коем случае нельзя предоставлять судам дела такого рода. Суды должны быть вооружены на этот случай, само собой разумеется,

но оружие, которым в действительности можно ограничить свободу прессы, должно быть в руках правительства.

Монтескье

Таким образом, будут существовать нарушения, выходящие за пределы компетенции судов, иначе говоря: вы наносите удар с двух сторон: и со стороны правительства, и со стороны суда?

Макиавелли

Это не так уж скверно. И так слишком нянчатся с несколькими желчными и злобными журналистами, которые на все нападают, все поливают грязью. Они поступают с правительством как бандиты с большой дороги, преграждающие с кинжалом в руке путь мирным путешественникам. Они всегда неподвластны закону, в то время как некоторые ограничения им бы весьма пошли на пользу.

Монтескье

Так вашу строгость почувствуют только эти журналисты?

Макиавелли

Не только: эти люди подобны головам гидры. Отрубишь десять — вырастает пятьдесят новых. В первую очередь я займусь газетами как общественными предприятиями. Я просто объясню им следующее: я могу запретить вам все, до сих пор я этого не сделал, но могу сделать в любой момент; я позволяю вам существовать, но, разумеется, только при условии, что вы не будете чинить препятствий на моем пути и подкапываться под мою власть. Я не хочу постоянно заниматься вами, и не собираюсь ежедневно издавать дополнения к закону, чтобы предусмотреть ваши происки. Я не могу также держать целую армию цензоров, ежевечерне проверяющих то, что появится на следующий день. У вас есть перья, пишите; но запомните хорошенько: за собой я оставляю право судить тех, кто на меня нападает, и не крутите. Если вы нападете на меня, я это тотчас почувствую, и вы тоже почувствуете. В этом случае я собственными руками наведу порядок, не сразу, потому что хочу быть терпимым: я предупрежу вас раз, другой, затем я вас уничтожу.

Монтескье

Я вижу с удивлением, что жертвой этой системы становится совсем не журналист, а газета как таковая, а ее гибель губит те интересы, которые она представляет.

Макиавелли

Пусть их представляет, кто хочет; об этом речи нет. Мое правительство, как я вам уже сказал, будет разить, не вмешиваясь при этом, конечно, в область компетенции судов. Двух приговоров в год будет достаточно, чтобы на законных основаниях закрыть издание. И этим я не ограничусь. Газетам — разумеется, в виде закона или указа — я скажу еще: поскольку во всем, что касается вас самих, вы должны соблюдать величайшую осторожность, то не надейтесь, что вам удастся будоражить общественное мнение комментариями к дебатам, происходящим в палатах депутатов. Сообщать об этом я вам запрещаю, а также комментировать судебные разбирательства по делам прессы. Далее, не помышляйте даже воздействовать на общественность мнимыми заграничными новостями. За ложные новости я ввожу физические наказания, не разбираясь, добрые при этом преследовались цели или дурные.

Монтескье

Это, мне кажется, чересчур строго: газеты, не смеющие заниматься критикой политических событий, будут вынуждены жить почти исключительно новостями, и если газета распространяет какую-либо новость, то мне представляется весьма затруднительным требовать от нее доказательств правдивости этой новости; в большинстве случаев они не смогут поручиться за ее достоверность, даже если считают ее правдивой — у них могут отсутствовать фактические доказательства.

Макиавелли

Вот и нужно взвесить все за и против, прежде чем вводить в заблуждение общественное мнение.

Монтескье

Но есть еще кое-что. Если с вами нельзя бороться при помощи газет, выходящих в стране, то это будет делаться при помощи газет иност-

ранных. Все недовольные, все ненавидящие вас будут писать за пределами вашего царства; газеты и подстрекательские сочинения будут доставляться из-за границы.

Макиавелли

Вы касаетесь обстоятельств, которые я считаю долгом контролировать строжайшим образом: иностранная пресса в действительности очень опасна. Прежде всего: любой ввоз или распространение несанкционированных изданий будет караться тюремным заключением, чтобы отбить охоту к подобным проделкам. Далее: те из моих подданных, кто поддастся соблазну, будучи за границей, выступать против правительства, по возвращении будут схвачены и наказаны. Ведь подло же писать за границей против собственного правительства.

Монтескье

Смотря по обстоятельствам. Пресса соседних государств тоже поднимется против вас.

Макиавелли

Вы думаете? Мы же исходим из предположения, что я — повелитель большой державы. Маленькие пограничные государства будут вести себя весьма робко, уверяю вас. Я заставлю их издать законы, карающие их собственных граждан, если они осмелятся нападать на мое правление в печати или как-нибудь еще.

Монтескье

Вижу, что был прав, когда писал в «Духе законов», что между деспотией и другими странами должна лежать пустыня. Культура не должна иметь туда доступа. Наверняка ваши подданные не будут знать собственной же истории. По выражению Бенжамена Констана вы сделаете из государства остров, где ничего не знают о событиях в Европе, а из столицы вы сделаете второй остров, где не знают о том, что происходит в стране.

Макиавелли

Я не желаю, чтобы мою страну смущали слухи, доходящие из-за границы. Вообще, как проникают в страну известия из-за границы? Че-

рез агентства, которые собирают новости, поступающие со всех сторон. Так эти агентства можно купить, и с этого момента новости будут под контролем правительства.

Монтескье

Отлично! Теперь можно перейти к контролю над книгами.

Макиавелли

Это менее интересно для меня. В наше время, когда газеты приобрели такую неслыханную популярность, книг почти не читают. Тем не менее, я ни в коем случае не предоставляю им свободу действий. Прежде всего, я заставляю всех, имеющих профессию печатника, издателя или книготорговца, получить лицензию, которой правительство может их в любое время лишить, непосредственно или по суду.

Монтескье

Но тогда эти свободные предприниматели превратятся в род государственных служащих. Оружие духа превратится в оружие государственной власти.

Макиавелли

Полагаю, они вряд ли будут жаловаться; ведь и в ваше время, при парламентском режиме, дела обстояли так же. Нужно сохранять старые обычаи, если они хороши. Я прибегну к налогам. Гербовый сбор я распространю также и на книги, или еще лучше: я обложу самыми высокими налогом, такие книги, которые будут иметь более чем определенное число страниц. К примеру, книга, в которой менее двух или трех сотен страниц, следует считать не книгой, а брошюрой. Полагаю, что вы поймете преимущество этой уловки. С одной стороны, я с помощью налогов сокращу этот поток сочинений малого объема, являющихся всего лишь довеском к газетам; с другой стороны, я заставляю издателей, если они хотят избежать обложения налогами, публиковать пространные и дорогостоящие книги, которые практически невозможно будет продать и которые в такой форме никто не станет читать. Те немногочисленные несчастные создания, полагающие сегодня себя обязанными написать книгу, оставят свое намерение. Налоговая инспекция лишит людей мужества следовать своему литературному честолобию, а уголов-

ное законодательство выбьет из рук типографий их оружие; ведь я заставлю издателя-типографщика в соответствии с уголовным кодексом отвечать за содержание книг. И если найдется писатель, достаточно смелый для того, чтобы писать антиправительственные книги, ему будет не найти издателя. Последствия этого благотворного устрашения приведут косвенным путем к созданию цензуры, каковую бы не удалось осуществлять и самому правительству по причине неодобрения этой меры, будь она и чисто предупредительного характера. Приступая к изданию новых произведений, печатник и издатель будут нуждаться в советчиках, в достоверных сведениях, они станут выпускать в свет книги, которых требует публика, и это — верный способ своевременного осведомления правительства о публикациях, направленных против него. Оно сможет распорядиться о временной конфискации издания, если посчитает это целесообразным, а издатель предстанет перед судом.

Монтескье

Вы же сказали мне, что не станете затрагивать гражданского права. По всей видимости, вы не отдаете себе отчет в том, что законодательство такого рода ограничит свободу торговли; с этим тесно связано и право собственности, которое в таком случае лишается силы.

Макиавелли

Это пустая болтовня.

Монтескье

В отношении прессы вы, вероятно, предусмотрели все.

Макиавелли

Как бы не так!

Монтескье

Что еще упущено?

Макиавелли

Все, что имеет отношение ко второй половине нашей задачи.

Разговор двенадцатый

Макиавелли

До сего момента я изложил вам сведения лишь о части ограничений, которые я установил бы для прессы с целью определенной защиты конституционного правительства. Настал черед показать вам, каким я мыслю применение этого общественного института на благо моего правительства. Осмелюсь утверждать, что по сей день ни одному правительству не приходила в голову столь смелая идея, о которой я намерен сейчас говорить с вами. В странах парламентского правления правительство свергают всегда с помощью прессы. Я открываю тем самым возможность подавления прессы с помощью самой прессы. Знаете ли вы, как поступит мое правительство, понимая, что журналистика представляет собой огромную силу? Оно само станет издавать газеты, и это будет журналистика, в которой все рассчитано до мелочей.

Монтескье

Воистину, вы — мой проводник на пути от одного удивительного сюрприза к другому. Перед моим взором вы разворачиваете постоянно изменяющуюся панораму. Должен признаться, любопытно увидеть, каким образом вы начнете воплощать в жизнь новую программу.

Макиавелли

Мне придется приложить здесь много меньше фантазии, чем вам мыслится. Я произведу подсчет газет, представляющих так называемую оппозицию. Если в оппозиции находится десять газет, я заведу двадцать, выступающих в поддержку правительства, если же их будет двадцать, я заведу сорок, если сорок, то в моем распоряжении будет восемьдесят. Вы прекрасно понимаете, что я с этой целью смогу распорядиться правом, оставленным за собой, а именно правом выдачи разрешения на основание новых политических газет.

Монтескье

В этом нет ничего сложного.

Макиавелли

И все же это не так просто, как вы себе представляете. Народ в основной массе не должен даже догадываться о существовании этой тактики. В противном случае план был бы обречен на поражение, а общественное мнение отвернулось бы от газет, в которых явно проводится моя политика. Я разделю преданные мне газеты на три или четыре класса. Первое место будут занимать несколько газет, совершенно открыто отражающих мнение властей и при любых конфликтах, во что бы то ни стало отстаивающих правоту моих действий. Поведаю вам сразу, что эти газеты не будут оказывать на общественное мнение самое большое влияние. Второе место займут газеты, лишь по своей направленности официозные, и целью их будет — привлечь на мою сторону массу колеблющихся и безразличных людей, которые без всяких сомнений опираются на факты, и политические убеждения которых не выйдут за данные рамки.

К самым надежным столпам моей власти относятся те группы газет, о которых я скажу ниже. Признаки официальности здесь якобы полностью отсутствуют; однако на самом деле газеты, о которых я говорю, будут связаны с моим правительством той же цепью, видимой для одних и неразличимой для других. Трудно сказать определенно, сколько их будет, ведь я рассчитываю на преданное мне издание в любой партии и при любой политической ориентации. Я буду располагать аристократическим изданием в партии аристократов, республиканским — в республиканской партии, революционным в партии революционной; если потребуется, у меня будет анархистский листок в партии анархистов. У моей прессы, как у бога Вишну, будет сотня рук, и по всей стране я подам эти руки представителям всех политических движений. Люди будут отстаивать мои интересы, и не подозревая об этом. Они будут верить, что говорят собственным языком, однако это будет мой язык. Они будут считать, что агитируют за собственные интересы, однако это будет мои интересы. Они будут уверены, что маршируют под собственным знаменем, однако будут шагать под моим.

Монтескье

Вы говорите об идеях, которые будут воплощены в жизнь, или это все сплошные фантазии? У меня голова идет кругом.

Макиавелли

Поберегите силы; мы еще не добрались до сути.

Монтескье

Мой вопрос связан лишь с тем, каким образом вам удастся направлять и удерживать эту армию, стоящую на службе по обработке общественного мнения и тайно нанятую вашим правительством...

Макиавелли

Организация решает все. Вы это сейчас поймете. К примеру, я учрежу центральное управление, назвав его отделом по вопросам печати и прессы, которое обеспечит всех необходимыми инструкциями и будет давать соответствующие указания. Перед взором тех, кто лишь наполовину посвящен в тайну, предстанет удивительное действо: все увидят, как газеты, преданные моему правительству, нападают на меня, поднимают большой шум и доставляют мне массу неприятностей.

Монтескье

Этого мне никак не уразуметь; я вообще больше ничего не понимаю.

Макиавелли

И все же в этом нет ничего трудного. Примите во внимание, что газеты, о которых я только что говорил, никогда не станут нападать на основы и принципы моего правительства. Их стычки никогда не перерастут в настоящую войну, их оппозиция по отношению к правящей династии будет заключена в самые жесткие рамки.

Монтескье

А какая вам выгода от этого?

Макиавелли

Наивный вопрос! К важному результату можно отнести уже и то, что многие люди скажут: посмотрите, ведь мы свободны, при этом правительстве есть возможность высказываться, на правительство неспра-

ведливо нападают, а оно терпит и переносит эти нападки, не подавляя их, что для него не составило бы особого труда. Второй, не менее важный результат, заключается, например, в возможности провозглашать следующие мнения: смотрите, сколь повсеместно уважаемы основы и принципы этого правительства. Эти газеты пользуются абсолютной свободой, однако они никогда не посягают на существующие установления. Эти установления благородны в независимости от всех несправедливостей, связанных с политическими страстями, ведь даже враги правительства не могут воздержаться от того, чтобы не воздать им должной хвалы.

Монтескье

Я бы, пожалуй, сказал, что все это — в истинно макиавеллиевском духе.

Макиавелли

Для меня это большая честь, однако все устроится еще лучше. Опираясь на газеты, тайно мне преданные, я по своему усмотрению буду управлять общественным мнением во всех вопросах внутренней и внешней политики. Я буду пробуждать умы или погружать их в дремоту, я воодушевлю их или ввергну в отчаяние, я взвешу все за и против, я встану на защиту истины или лжи. Я, смотря по обстоятельствам, сделаю достоянием гласности определенный факт или подвергну его отрицанию. Таким образом, я исследую общественное мнение, сделаю выводы о следствиях, причиной которых был я сам, испытав планы, проекты, неожиданные решения, короче говоря, я, как говорят у вас во Франции, запущу испытательные зонды. Я по своему усмотрению разобью своих врагов, ни в каком случае не раскрывая тайны моего воздействия, поскольку в случае, если я побудил эти газеты к определенному заявлению, я смог бы при необходимости подвергнуть их наказанию, принудив их энергично опровергнуть свои же слова. Я приманю общественное мнение к определенным решениям, я буду погонять его или придерживать, моя рука всегда будет на его пульсе, оно, неведомо для себя, будет отражением лишь моих личных взглядов, и его будет иногда дивить то обстоятельство, что оно постоянно существует в добром согласии со своим господином. И тогда скажут, что я обладаю особым чутьем к народным настроениям, что с жизнью моего народа меня связывает тайная и чудесная симпатия.

Монтескье

Мне кажется, что эти многосторонние размышления почти совершенны. Позволю себе сделать еще одно, хотя и вполне робкое замечание. Если вы нарушите завесу молчания, окружающую восточного деспота, если вы позволите армии журналистов для вашей же пользы встать к вам в условную оппозицию, о которой вы только что поведали, то мне на самом деле не слишком понятно, каким образом вы удержите независимые газеты от того, чтобы не ответить настоящим ударом на их собственные выпады, тайный смысл которых они разгадали. Не приходит ли вам в голову, что они, в конце концов, приподнимут завесы над некоторыми тайнами, связанными со столь разнообразными намерениями? И если они однажды проникнут в тайный смысл этой комедии, как сможете вы удержать этих людей от насмешек над ней? Вся эта игра представляется мне довольно сомнительной затеей.

Макиавелли

Ни в коей мере. Поведаю вам, что, находясь здесь, я потратил значительное время, чтобы испытать сильные и слабые стороны этой системы. Я получил точное представление об условиях существования прессы в странах с парламентским правлением. Подумайте о том, что журналисты образуют что-то вроде масонского союза. Люди, зарабатывающие себе на жизнь журналистикой, в большей или меньшей степени связаны друг с другом узами профессиональной тайны. Подобно древним авгурам, они крайне неохотно открывают народу секреты своих прорицаний. Предавая друг друга, они ничего не приобретают взамен, поскольку у каждого из них отыщется то или иное слабое место. Признаю как вполне вероятное, что в центре столицы в определенном кругу лиц эти вещи не будут тайной, однако в иных случаях никто и нигде не сможет подозревать об их существовании, и большинство людей последует за своими вождями с той абсолютной верой, которой я наделил их.

Что мне за дело до того, что кто-то в столице будет осведомлен об уловках моей прессы? Основная доля ее воздействия рассчитана на провинцию. Там я всегда смогу поддерживать температуру общественного мнения на том уровне, который мне потребен, и каждое из моих намерений наверняка достигнет там адресата. Я приберу к рукам всю провинциальную прессу, поскольку там не должно быть никаких противоречий и дискуссий. Из административного центра, в котором находится

моя резиденция, губернаторы всех провинций постоянно будут получать приказ, регулирующий выступления газет в том или ином духе, следовательно, в один и тот же час на всю страну будет оказываться то или иное воздействие, будет задан тот или иной импульс, причем зачастую еще до того, как в столице что-либо узнают об этом. Из сказанного вы понимаете, что мне не следует слишком беспокоиться о мнениях столицы. При серьезном повороте дел в столице получают информацию о движении, возникающем вне ее пределов, слишком поздно, и это движение захватит и столичных жителей, в чрезвычайных обстоятельствах — и против их воли.

Монтескье

Цепь ваших рассуждений тянет за собой всякого с такой силой, что я теряю мужество возразить вам в последний раз, прибегнув к приготовленному мной аргументу. И все же вопреки тому, о чем вы только что сказали, фактом остается существование в столице определенного числа независимых журналистов. У них практически не будет возможности писать о политике, это очевидно, однако они смогут вести против вас партизанскую войну. Ваш аппарат управления не может быть безупречным. Развитие абсолютистского режима допускает всякого рода злоупотребления, вина за которые ложится на самого монарха. Во всех действиях ваших чиновников, затрагивающих частные интересы, будут усматривать ваши собственные слабые места. Посыплются жалобы, обвинения в адрес ваших чиновников, вас, что само собой разумеется, будут считать ответственным за их действия, и ваш авторитет будет понижаться от одной мелочи к другой.

Макиавелли

Меня это не пугает.

Монтескье

В самом деле, в вашем распоряжении столь обильные и многообразные средства подавления, что вам остается лишь выбрать одно из них.

Макиавелли

Я вовсе не это имел в виду. Я же не намерен постоянно прибегать к средствам подавления; я хочу лишь иметь возможность простым указа-

нием воспрепятствовать любой дискуссии на тему, которая опасна для правительства.

Монтескье

Как вы намерены осуществить это?

Макиавелли

Я обяжу газету публиковать вверху каждой колонки поправки и замечания, поступающие от правительства. Представители правительства направят газетам ноты с категорическими заявлениями: вы поместили сообщение о том или ином событии, не полностью соответствующее истине. Вы позволили себе критиковать то-то и то-то. Вы не обладаете достаточным уровнем компетенции. Вы неверно себя повели. Вы были не правы. Поступайте в соответствии с нашими указаниями. Как видите, это будет лояльная и совершенно гласно осуществляемая цензура.

Монтескье

Которая не предполагает никакого ответа.

Макиавелли

Именно так. Тем самым дискуссия прекращается.

Монтескье

За вами всегда будет оставаться последнее слово, даже без применения насилия. Очень тонко задумано. Ваше правительство на самом деле отстаивает журналистику, в которой, как вы сами недавно изящно выразились, все рассчитано до мелочей.

Макиавелли

В той же степени, в какой я против того, чтобы будоражить народ слухами, поступающими из-за границы, я против попыток нарушить его спокойствие слухами, возникающими в самой стране, в том числе и обычными известиями, касающимися частных отношений. Я распоряжусь, чтобы газетам запретили публиковать информацию о необычном

самоубийстве, о слишком подозрительной финансовой сделке, при которой речь идет о больших денежных суммах, о неправильном поступке чиновника, находящегося на общественной службе. Молчание о вещах подобного рода свидетельствует о большем уважении к моральному здоровью народа, чем всякие разговоры о них.

Монтескье

А сами вы между тем сможете беспрепятственно заниматься журналистикой.

Макиавелли

Пожалуй, мне придется этим заниматься. Обязанность всех правительств, намеренных укрепить свое могущество — использовать прессу, прибегать к ее услугам во всех существующих формах. Это довольно странно, но все обстоит именно так. По этой причине я пойду в этом направлении так далеко, как вы себе и помыслить не сможете.

Для истинного понимания того, сколь широко простирается моя система и сколь всеохватна она, следует принять во внимание, в коей мере суждения моей прессы определяются необходимостью согласованного взаимодействия с действиями официальных властей. Предположим, что я поставил себе целью провести в жизнь решение, связанное с большими сложностями в области внешней и внутренней политики. В один прекрасный день об этом решении как о событии официальном оповещают мои газеты, каждая из которых уже несколько месяцев занималась обработкой общественного мнения в духе ее направления. Вам известно, с какой предупредительностью и осторожностью следует составлять правительственные документы в критических ситуациях. Задача, которую в этом случае необходимо решить, заключается в том, чтобы удовлетворить требования всех партий. Тут каждая из моих газет в рамках той тенденции, которую она представляет, предпримет попытки убедить другие партии в том, что принятое решение представляется наиболее благоприятным именно для них. То, о чем не сказано в официальном документе, будет извлечено из него в комментарии, а то, на что лишь намекнули, официозные газеты станут обсуждать более открыто, газеты же демократические и революционные будут об этом трубить, и в то время как разгорятся дискуссии и появятся самые разнообразные объяснения моим действиям, мое правительство ответит всем и каждому в отдельности: вы заблуждаетесь в вашей оценке

правительственных намерений. Вы плохо читали официальное сообщение; в нем не содержалось ничего, кроме того-то и того-то. Вся соль в том, что никогда нельзя противоречить самому себе.

Монтескье

Что я слышу! После всего, только что вами произнесенного, вы предъявляете подобное требование?

Макиавелли

Разумеется, и ваше удивление показывает, что вы не поняли меня. Более важно согласовывать друг с другом слова, нежели поступки. Как вы можете требовать, чтобы народ в своей массе судил о том, руководствуется ли его правительство логикой? Достаточно того, что народу об этом говорят. Мне необходимо, чтобы разные фазы моей политической деятельности изображались как развитие одной мысли, устремленной к неизменной цели. Каждое предвещавшееся или неожиданно произошедшее событие явится результатом разумного руководства, недостатки и огрехи управления будут ничем иным, как различными сторонами одного и того же дела, разными путями ведущими к одной цели, многообразными средствами для решения одной задачи, к которой неустанно устремлялись через все препятствия. Последнее событие явится логическим следствием всех предыдущих.

Монтескье

Вы в самом деле заслуживаете восхищения! Такая острота ума и такая предприимчивость!

Макиавелли

Ежедневно мои газеты будут заполнены официальными речами, подробными отчетами, репортажами, адресованными министрам, правительству. Я никогда не позволил бы себе забыть о том, что живу в эпоху, наполненную верой в способность промышленности разрешить все общественные проблемы, в эпоху, когда все постоянно занимаются улучшением условий существования рабочего класса. Я бы в тем большей степени держался этих вопросов, что они являются удачным средством отвлечения от проблем внутренней политики. Правительства народов

Центральной Европы заботятся о том, чтобы выглядеть постоянно загруженными делами. Массы одобряют их бездеятельность только при условии, что правительства разыгрывают перед ними постоянную предприимчивость, лихорадочную деятельность, что они постоянно привлекают к себе внимание новшествами, неожиданными решениями, какими-либо иными театральными жестами. Это может показаться странным, но — я вынужден подчеркнуть это еще раз — дело обстоит именно так.

Я все в большей степени приспособлюсь к этому своеобразию. По указанной причине я стану постоянно заботиться в области торговли, промышленности, искусства, равно как и управления о всевозможных проектах, планах, расчетах, изменениях, переделках и усовершенствованиях, отзвуки которых в прессе заглушат голоса политиков, сколь многочисленными бы они не были и сколько бы они не писали. Говорят, что экономика играет у вас теперь большую роль. Отлично, мне не придется ничего изобретать, ничего — публиковать, ничего и для ваших теоретиков, ваших утопистов, для вдохновенных проповедников ваших сект. Народное благосостояние станет единственным и неизменным предметом моих публичных выступлений. Буду ли выступать с речью я сам, или министры и газетчики будут говорить от моего имени, речь будет неустанно вестись о величии страны, о ее благосостоянии, о возвышенности ее миссии и о ее предназначении; следует без усталости вещать народу о выдающихся принципах современного права, о великих задачах гуманизма, движущих человечеством. Все написанное мной должно распространять вокруг себя атмосферу воодушевленного, всеобъемлющего либерализма. Западноевропейские народы обожают восточный стиль. Поэтому стиль всех речей, всех официальных заявлений должен быть образным, помпезным, зажигательным и прозрачным. Народы не любят атеистических правительств. Общаясь с публикой, я не премину связать мои деяния с божественным провидением, при этом я ловко объединю свою счастливую звезду со счастливой звездой моей страны. Я хотел бы, чтобы в любой момент действия моего правительства сравнивали с действиями прежних правительств. Вследствие этого мои благодеяния будут являться в наиболее выгодном свете и пробудят благодарность, которую они заслуживают.

Крайне важно подчеркивать и пороки моих предшественников, тут же показывая, что я всегда умел их избежать. Это вызовет по отношению к правительствам, на смену которым пришел мой режим, определенную антипатию, и даже отвращение, от которого так же невозможно избавиться, как не избавишься от преступлений, наказав виновного.

Я не только поручу некоторым газетам дело по неустанному восхвалению благоденствия моей власти, по перекладыванию ответственности за ошибки в европейской политике на другие правительства, я хотел бы также, чтобы основная доля этих хвалебных гимнов появлялась в нашей печати как отклик на публикации зарубежной прессы, из которой перепечатывались бы (подлинные или сфабрикованные) статьи, содержащие ослепительное восхваление моей политики. В общем и целом я позабочусь о заграничных газетах, которые будут служить мне и поддерживать меня с большей эффективностью, если я придам им вид изданий, имеющих оппозиционное направление во второстепенных вопросах.

Мои принципы, идеи и свершения я увенчаю нимбом молодости, окружу блеском новых законов в противоположность старческой слабости и бессилию прежних правительственных учреждений. Мне хорошо известно, что критические настроения в обществе требуют спускового клапана, что духовная активность, вытесняемая из одной сферы, непременно устремляется в другую. По этой причине я бы не убоился подтолкнуть народ в сторону всевозможных теоретических умствований и практической деятельности в области промышленной.

Заверяю вас в том, что вне политики я буду добросердечным правителем, и я позволю беспрепятственное обсуждение всевозможных философских и религиозных вопросов. В том, что касается религии, следует заметить, что учение о свободе выбора в вопросах веры превратилось в своего рода *idée fixe*. Нельзя вставать на пути этого устремления, такой поступок сопряжен даже с определенной опасностью. В тех странах Европы, которые далее всего продвинулись по пути прогресса, изобретение книгопечатания породило сумасшедшую, свихнувшуюся, разнузданную и почти непристойную литературу. Это большая беда. Что ж, печально признавать, что придется отказаться от наложения запретов на литературу подобного толка, чтобы дать определенный выход писательскому зуду, господствующему в ваших странах парламентского правления.

Эта зачумленная литература, препятствовать распространению которой невозможно, а также пошлость газетных писак и политиков, окунувшихся в журналистику, будут являть собой отвратительное зрелище по контрасту с достоинством и взвешенностью речи, звучащей с высот трона властелина, с живым и образным языком, призванным повысить действенность всех правительственных заявлений. Теперь вам станет ясно, почему я окружил своего государя плотной толпой публицистов,

чиновников, адвокатов, купцов и правоведов, которые имеют большое значение для сознания той колоссальной массы официальных сообщений, о которой я говорил вам и влияние которой на людей всегда будет огромным.

Вот в общих чертах основные принципы моего господства над прессой.

Монтескье

Вы подошли к концу своих утверждений?

Макиавелли

К сожалению, да. Я высказал свои суждения в более краткой форме, нежели это было необходимо. Но мгновения наши сочтены, нам следует спешно двигаться дальше.

Разговор тринадцатый

Монтескье

Мне нужно прийти в себя от волнений, которые вы заставили меня пережить. Какое богатство средств для исполнения цели, какое обилие необычных мыслей! Во всем этом заключена поэзия, и таится такая трагическая красота, что ее не пришлось бы стыдиться современным поэтам, таким как Байрон; это обнаруживает драматический талант автора «Мандрагоры».

Макиавелли

Это ваше истинное мнение, господин Секундарий? Однако мне кажется, что вашей иронии не хватает уверенности. Мы не можем составить себе ясного представления о том, возможно ли, в самом деле, воплотить эти замыслы.

Монтескье

Если вас интересует мое мнение, я обязательно изложу его; я только жду, когда вы закончите.

Макиавелли

До этого еще далеко.

Монтескье

Так продолжайте.

Макиавелли

Что ж, если вы того желаете.

Монтескье

Став во главе страны, вы издали ужасные законы против прессы. Вы заставили умолкнуть все голоса, кроме вашего собственного. Все партии лишились голоса. Вы не боитесь покушений на вас?

Макиавелли

Ни в коей мере, поскольку крайне неосмотрительно с моей стороны было бы, если бы я не имел возможности одним движением руки обезоружить все партии одновременно.

Монтескье

Как же вы станете действовать?

Макиавелли

Начну с того, что вышлю из страны сотни людей, которые пытались с оружием в руках противостоять моему восшествию на трон. Мне рассказывали, что в Италии, Германии и Франции существуют тайные общества, из членов которых рекрутируются бунтовщики, устраивающие заговоры против правительств. В моей стране я разорву эти невидимые нити, которые, словно паутина, плетутся в укромных углах.

Монтескье

И что потом?

Макиавелли

Каждый, кто организует тайное общество или примкнет к нему, будет подвергнут строгому наказанию.

Монтескье

Хорошо, это относится к будущему. А что произойдет с обществами, которые уже существуют?

Макиавелли

Из соображений всеобщей безопасности я вышлю из страны всех, кто известен своей причастностью к этим обществам. Те, против которых у меня не будет прямых улик, вынуждены будут ощущать давление постоянной угрозы; поскольку я издам закон, который даст правительству право на основе специальных указов высылать из страны любого, кто когда-либо состоял в подобном обществе.

Монтескье

То есть без приговора суда.

Макиавелли

Почему вы говорите: без приговора? Разве решение правительства не есть само по себе приговор? Можете быть уверены, мало кто станет жалеть бунтовщиков. В странах, покой которых длительное время нарушался раздорами между гражданами, мир следует устанавливать с помощью непреклонных насильственных мер. Ради установления покоя следует пойти на многочисленные жертвы. Жертвы приносят. И авторитет человека, имеющего право отдавать приказы, внушает вследствие этого такое почтение, что никто не смеет покуситься на его жизнь. После того, как Сулла потопил Италию в крови, он появился в Риме как обычное частное лицо, и с его головы при этом не упал ни один волосок.

Монтескье

Вижу, вы добрались теперь до периода ужасных экзекуций. Не рискну что-либо заметить по этому поводу. Мне кажется только, хотя я и понимаю ваши намерения, что вы могли бы быть более мягким.

Макиавелли

Когда взывают к моей доброте, я могу позволить людям говорить со мной. Откровенно скажу вам, что часть строгих мер, перечисленных в законе, будет лишь служить угрозой, однако при условии, что меня не вынудят прибегнуть к их применению.

Монтескье

И вы называете это предупредительными мерами! Однако ваши рассуждения о вашей доброте меня несколько беспокоят. Иногда у человека, который слышит подобные рассуждения, стынет в жилах кровь.

Макиавелли

Отчего же? Я находился в ближайшем окружении герцога Валентинуа, о котором ходила недобрая слава и который на самом деле её заслужил, поскольку были в его жизни периоды, в которые он не знал жалости. Но я заверяю вас, что, как только завершались необходимые экзекуции, он становился вполне добродушным человеком. То же самое можно сказать почти обо всех главах абсолютной монархии. В глубине сердца они добры, и доброта их особенно распространяется на простых людей.

Монтескье

Трудно сказать, не более ли вы мне приятны в своем гневe. Ваша мягкость предстает для меня еще более отвратительной. Однако вернемся к нашим делам. Итак, вы уничтожили тайные общества.

Макиавелли

Не надо спешить. Я их не уничтожал. Вы кое-что путаете.

Монтескье

Что же и в каком смысле?

Макиавелли

Я всего лишь запретил тайные общества, которые по своему характеру и поведению могли бы выйти из-под контроля моего правитель-

ства; однако у меня не было намерений лишить себя средства получения информации и оказания тайного влияния, могущего быть крайне значительным, если умеешь им пользоваться.

Монтескье

Что вы намереваетесь с ними сделать?

Макиавелли

Я рассматриваю возможность своего рода легального существования определенного числа подобных обществ или их объединения в одно общество, верховного руководителя которого буду назначать я сам. Это позволит мне держать в своих руках революционных деятелей разного толка, существующих в стране. Люди, составляющие подобные общества, относятся ко всем нациям, социальным классам и сословиям. С их помощью я постоянно буду в курсе всех политических интриг.

Это будет чем-то вроде одного из подразделений моей полиции, о которой я собираюсь вам рассказать.

Этот подземный мир тайных обществ сплошь состоит из пустоголовых людей, которым я не придаю ни малейшего значения, однако в том мире можно нажимать на скрытые рычаги, приводить в движение определенные силы. Если там что-то будет происходить, я постоянно буду в курсе всех дел. Если там будет готовиться заговор, я буду во главе его. Я — магистр ордена.

Монтескье

И вы верите, что эти толпы демократов, эти республиканцы, анархисты и террористы подпустят вас к себе и сядут с вами за один стол. И вы смеете верить, что эти люди, не признающие господства человека над человеком, примут в свои ряды вождя, который будет не чем иным, как их господином!

Макиавелли

Вы не знаете, дорогой Монтескье, сколь бесплодны, сколь жалки эти люди, большинство из них, подбивающих народы Европы на бунт. У этих тигров овечьи души, а их головы набиты пустыми фантазиями. Достаточно заговорить на их языке, чтобы проникнуть в их круги.

К тому же их идеи, за редким исключением, обнаруживают невероятное сходство с теориями абсолютизма. Они мечтают о растворении индивидуума в единстве, толкуемом лишь как символическое. Они требуют полного осуществления принципа равенства всех людей с помощью толковой власти правительства, которая в конце концов может иметься в руках лишь одного человека. Вы видите, что и в этом я основываюсь на положениях вашей воли. В заключение я должен сказать, что у них ведь нет выбора. Тайные союзы будут существовать при условиях, мною только что названных, или не будут существовать вовсе.

Монтескье

Вы не заставляете долго ждать, пока наступит конец: *sic volo sic jumbo* (Так я хочу, так я приказываю). Я полагаю, можно считать, что вы хорошо защищены от заговоров.

Макиавелли

Так точно. Однако будет правильным сообщить вам еще, что по закону будут запрещены собрания и сходки, число участвующих в которых превышает установленный уровень.

Монтескье

И какой уровень будет установлен?

Макиавелли

Вы придаете значение таким мелочам? Что ж, если вам так хочется знать это, будет запрещено собираться, если собравшихся более пятнадцати — двадцати человек.

Монтескье

Это невозможно! В этом случае нельзя будет даже друзьям сверх установленного числа собраться за обедом.

Макиавелли

Я хорошо вас понимаю. Вами движет веселая общительность французов. Что ж, это вовсе не будет запрещено, поскольку мое правитель-

ство не будет таким страшным, как вы себе это представляете. Вы сможете собрать друзей при условии, что не будет разговоров о политике.

Монтескье

Позволено ли будет говорить о литературе?

Макиавелли

Разумеется, однако при условии, что под предлогом занятий литературой не будут собираться вместе в политических целях. Вовсе не обязательно говорить о политике, при этом любому празднеству можно придать характер манифестации, которая будет понята публикой. А это недопустимо.

Монтескье

Ах, сколь нелегко при такой системе будет вести обычную жизнь, не возбуждая недоверия у правительства!

Макиавелли

Вы впали в заблуждение. От этих ограничений будут страдать только бунтовщики, все прочие люди их просто не заметят. Само собой разумеется, что я говорю здесь не о действительном сопротивлении моему правительству, не о покушениях, имеющих целью его свержение, и не о посягательствах на государя или на его авторитет или на его учреждения. Это реальные преступления, которые будут подавляться на основе права, содержащегося в любом законодательстве. В моем царстве против них будут осуществлены предупредительные меры, и они подвергнутся наказанию в зависимости от вида их проступка и в соответствии с предписаниями, не допускающими малейшей возможности прямого или косвенного посягательства на существующий порядок.

Монтескье

Позвольте в этом вопросе полностью положиться на вас и не спрашивать о средствах, которые вы употребите в этих целях. Все же недостаточно будет лишь одних драконовских законов. Необходимо также найти чиновников, готовых исполнять эти законы; это связано с определенными трудностями.

Макиавелли

Это не связано ни с какими трудностями.

Монтескье

Вы осуществите переворот всей структуры судопроизводства?

Макиавелли

Я не буду осуществлять никакого переворота; я только произведу некоторые изменения и введу новшества.

Монтескье

Вы введете военные трибуналы, суды с ускоренным процессом производства, короче говоря, особые суды.

Макиавелли

Нет.

Монтескье

Что же вы тогда сделаете?

Макиавелли

Для начала скажу вам, что я вовсе не нуждаюсь в принятии большого числа строгих законов, проводить которые в жизнь я намереваюсь. Многие законы уже будут существовать и еще действовать, поскольку всем правительствам, либеральным или абсолютистским, республиканским или монархическим, приходится бороться с одинаковыми трудностями. В критические моменты они вынуждены прибегать к строгим законам, одни из которых сохраняются, другие — смягчаются в зависимости от необходимых условий, послуживших причиной их принятия. Нужно использовать и те, и другие законы. Что касается последних, то при случае вспоминают, что эти законы не отменены, что они были разумны, что их следует применить по причине возникновения преступлений, на предупреждение которых они были направлены. Таким образом правительство — и это зачастую будет соответствовать истине — предстанет лишь как осуществляющее правильное руководство государством.

Вы видите, что речь идет лишь о том, чтобы несколько оживить деятельность судов, что в странах с централистской государственной властью довольно легко сделать, поскольку в них судьи напрямую связаны с правительством через министерство, которое их назначает. Что касается новых законов, которые будут приняты при моем правлении и введены в действие чаще всего в виде обычных указов, то их применение, возможно, не будет столь легким, поскольку в странах, где должность судьи пожизненная, при истолковании закона судьи будут противиться слишком прямому воздействию властей. Но я, кажется, изобрел крайне гениальный, предельно простой и очевидно совершенно стабильный способ, который даст возможность изменять слишком безграничные следствия этого принципа, не отменяя правила пожизненного назначения судей на должность. Я издам указ, в соответствии с которым судьи будут подавать в отставку по достижении определенного возраста. Не сомневаюсь в том, что и в этом случае общественное мнение будет на моей стороне, поскольку на самом деле жалким предстает зрелище, когда судья, призванный в любую минуту принимать решения по важнейшим и труднейшим вопросам, страдает упадком духовных сил, препятствующим исполнению его обязанностей.

Монтескье

Позвольте сделать несколько замечаний по теме, вами затронутой. Ваши утверждения совершенно не соответствуют опыту. У людей, постоянно занимающихся умственным трудом, не наблюдается такого значительного упадка духовных сил. Это, если позволено так будет выразиться, своего рода привилегия духа, даруемая всякому, в чьей жизни он составляет важный элемент. Если у отдельных судей с возрастом и наблюдается упадок духовных сил, то у большинства они сохраняются, а их познания при этом все возрастают. Вовсе нет необходимости отправлять их в отставку, поскольку смерть естественным и необходимым образом вырывает людей из их рядов. И если бы на самом деле среди них встречалось так много примеров слабости духа, как вы утверждаете, то в интересах судопроизводства в тысячу раз было бы лучше терпеть это зло, нежели использовать ваш рецепт.

Макиавелли

У меня более убедительные доказательства моей правоты.

Монтескье

Государственные соображения?

Макиавелли

Может быть. Одно я могу гарантировать вам в любом случае: при новом порядке вещей судьям не придется отступать от законов намного дальше, чем до сих пор, если речь будет идти о чисто гражданских интересах.

Монтескье

Какое мне до этого дело! Ведь после всего, сказанного вами, мне ясно, они будут отступать от законов, если речь пойдет о политических интересах.

Макиавелли

Они не станут этого делать. Они будут как следует образом исполнять свой долг. Ведь в вопросах политики судьи, в интересах поддержания порядка, всегда должны стоять на стороне властей. Было бы самым худшим из этого, что можно только придумать, если бы провокационные приговоры суда использовали для нападок на правителя, что во всей стране сразу же было бы направлено против правительства. Что пользы, если заткнули рот прессе, раз ее задачи возьмут на себя судебные приговоры?

Монтескье

Несмотря на скромное обличье, ваше средство довольно эффективно, если вы придаете ему столь большое значение.

Макиавелли

Разумеется. Оно направлено на то, чтобы устранить дух сопротивления, этот всегда опасный корпоративный дух союза юристов, сохранивших память о прежних правительствах или даже поклоняющихся им. Оно привнесет в их круг многие новые элементы, оказывающие благотворное влияние на умонастроение, создаваемое моим правительством. Двадцать, тридцать, сорок судебных постов, освобождающихся ежегодно

вследствие отставки старых судей, приведут к перегруппировке всего юридического персонала, который будет обновляться каждые двенадцать месяцев снизу доверху. Вам известно, что одно единственное освободившееся место вследствие перемещения чиновника на более высокий пост может привести к пятидесяти новым назначениям. Можете представить, что будет, если одновременно освободится от тридцати до сорока мест. Произойдет не только уничтожение согласия во взглядах на политику, но и осуществится еще более тесное сближение с правительством, в распоряжении которого находится значительное число постов. Вот молодые люди, намеренные сделать карьеру и не останавливаемые более на служебной лестнице своими начальниками, назначенными пожизненно. Им известно, что правительство любит порядок, что и народ его любит, и что речь идет только о том, чтобы служить тому и другому, что следует выносить разумный приговор, если оказывается затронутым порядок.

Монтескье

Однако если людей не совсем поразит слепота, они упрекнут вас, что среди судейских чиновников царит отвратительный карьеризм. Я не стану расписывать возможные последствия; каковы бы они ни были, их перспектива не изменит ваших планов.

Макиавелли

Я не намерен прятаться от критики. Она не принесет мне большого вреда, пока я ее не слышу. В любом случае я возьму за правило, что все мои решения бесприкословны, пусть они и вызывают брюзжание. Властитель, поступающий так, всегда уверен, что его волю будут уважать.

Разговор четырнадцатый

Макиавелли

Я уже несколько раз говорил вам и скажу снова, что мне не нужно все создавать и организовывать заново, что большую часть инструментов моей власти я найду в уже существующих учреждениях. Вам известно, что понимают под законом о защите конституции?

Монтескье

Разумеется, и я сожалею, что против своей воли лишаю вас эффекта неожиданности, к которому вы всегда с таким умением прибегаете.

Макиавелли

Что вы думаете об этом законе?

Монтескье

По моему мнению — и это справедливо по крайней мере для Франции, о которой вы сейчас, вероятно, говорите — данный закон предназначен для вполне определенной ситуации и при режиме свободного конституционного правления может быть изменен, если вовсе не отменен.

Макиавелли

Я нахожу, что вы говорите о нем вполне взвешенно. Согласно вашим теориям закон этот относится к одним из самых жестких ограничений свободы, которые только могут существовать. Ведь каково значение этого закона? Если частные лица подают в суд на правительственных чиновников, которые нанесли вред их делам, то судьи ответят им: Мы не сможем защитить ваших прав, это не входит в компетенцию суда. Обратитесь к властям, чтобы они предоставили право судебного преследования своих чиновников. И это в действительности будет отказом от отправления правосудия. Какому правительству придет в голову дать разрешение на преследование такого рода?!

Монтескье

Почему вы выступаете против этого? Мне кажется, все это вполне в духе ваших рассуждений.

Макиавелли

Я хотел лишь показать вам, что в государствах, в которых судопроизводство наталкивается на подобные препятствия, правительству не приходится бояться судов. Такие чрезвычайные законы вводят в законодательство всегда лишь как временную меру, однако когда нужда в

них миновала, чрезвычайные законы сохраняются, что вполне справедливо. В самом деле, если все в порядке, они никому не мешают, а если порядок нарушается, они необходимы.

Существует и другое современное учреждение, которое с не меньшей эффективностью служит осуществлению централизованной власти. Это учреждение имеет юридическую структуру, которую вы называете прокуратурой и которую прежде с большим на то основанием называли королевским судом, поскольку деятельность его характеризовалась главным образом тем, что это учреждение созывалось или распускалось по повелению монарха. Мне нет нужды объяснять вам, какое влияние оказывает это ведомство на суды, к которым оно относится. Это влияние значительно. Усвойте это получше. Теперь я скажу несколько слов о кассационном суде, право на который я также оставил за собой. Он играет значительную роль в мире юстиции.

Кассационный суд — это нечто большее, чем чисто юридическая корпорация. Он в определенном смысле является четвертой властью в государстве, поскольку в его задачи входит определение смысла законов в последней инстанции. По этой причине мне следует повторить здесь те мысли, которые я уже, как мне кажется, формулировал при разговоре о сенате и законодательном собрании. Если бы такой суд был полностью независимым от правительства, он в силу своего суверенного и почти безграничного влияния по собственному произволу стал бы нападать на толкование законов. Ему бы потребовалось для этого всего лишь систематически ограничивать или расширять в духе свободы определения законов, регулирующие осуществление политических прав.

Монтескье

А это явно противоречит тому, что вы от него требуете.

Макиавелли

Я от него ничего не стану требовать. Он совершенно самостоятельно станет делать то, что ему следует делать. Ведь именно здесь осуществляется наиболее сильная концентрация различных мотивов, ведущих к влиянию на систему судов, о чем я уже говорил. Чем ближе судья находится к государственной власти, тем больше он к ней принадлежит. Консервативный дух правительства здесь разовьется в гораздо большей мере, чем где-либо еще, и законы, имеющие огромное значение

для государственной полиции, будут толковаться этим высоким собранием так, как выгодно моему правительству, что позволит мне отказаться от применения многих ограничительных мер, к которым в противном случае пришлось бы прибегнуть.

Монтескье

Слушая ваши речи, приходишь к мысли, что при толковании законов может царить подлинный произвол. Разве тексты законов не написаны ясным языком и не толкуются однозначно? Разве их смысл может излагаться столь широко или с такими произвольными ограничениями, как вы говорите?

Макиавелли

Мне не придется поучать автора «Духа законов», опытного судью, вынесшего столько великолепных приговоров, тому, что такое юриспруденция. Не существует на свете столь ясной формулировки, которую нельзя было бы подвергнуть самим противоречивым толкованиям; это касается и области чисто гражданского права. Однако прошу принять во внимание, что мы ведем речь о политике. У всех законодателей во все времена было принято пользоваться в некоторых законах столь растяжимыми формулировками, что, смотря по обстоятельствам, их либо можно было применять в особых случаях, либо допускать исключения, говорить о которых более подробно не имеет смысла. Мне кажется, я должен привести вам соответствующие примеры, поскольку в ином случае вы сочтете мое утверждение слишком общим. Трудность заключается лишь в том, что мне придется приводить примеры, имеющие столь широкое значение, что удобнее будет отказаться от широкого представления единичных подробностей.

Вот пример, для меня наиболее предпочтительный, поскольку мы только что рассуждали об этом предмете. Когда мы говорили о законе по защите конституции, вы высказали мнение, что этот чрезвычайный закон в свободном государстве подвергся бы изменениям. Что ж, хорошо, предположим, что в государстве, которым я управляю, существует такой закон. Предположим также, что он был изменен. Я имею в виду, что до моего вступления в правление был принят закон, в соответствии с которым в случае, когда речь идет о депутате, допускается судебное преследование правительственного чиновника без пред-

варительного получения разрешения со стороны государственного совета.

При моем правлении, с которым, как вам известно, связаны крупные изменения в государственном праве, возникает такой случай. Имеется намерение подвергнуть судебному преследованию правительственного чиновника в связи с событием, в котором участвует депутат. Прокурор поднимается с места и заявляет: послабления, которое можно было бы здесь использовать, более не существует, оно более не согласуется с современными условиями. Прежний закон, который в подобном случае не требовал разрешения со стороны государственного совета, со всей очевидностью более не действителен. Представители суда отвечают на это согласием или несогласием, затем спорный случай рассматривается кассационным судом, и эта высшая инстанция определяет статью государственного законодательства следующим образом: прежний закон со всей очевидностью утратил силу, необходимо разрешение (согласие) государственного совета на судебное преследование государственного чиновника, даже если речь идет о деле, связанном с депутатом.

А вот вам другой пример, связанный с особым делом. Он касается надзора полиции за прессой. Мне сообщили, будто во Франции существовал закон, в соответствии с которым все граждане, которые на профессиональной основе создавали или распространяли печатную продукцию любого рода, под угрозой уголовного наказания были обязаны получать на то соответствующее разрешение, выдававшееся соответствующим доверенным лицом от государства, которому в каждой из провинций подчинялись представители высшей исполнительной власти. Существовал закон, регулировавший книготорговлю и державший ее под самым строгим контролем. В этом заключается главная цель данного закона. Однако текст этого предписания мог звучать и следующим образом: «Каждый, кто занят изготовлением и распространением печатной продукции, должен иметь на это соответствующее разрешение и т.д.»

При обращении к кассационному суду может быть получен следующий ответ: в законе, о котором идет речь, подразумевается не только профессиональная деятельность, но и любая торговля или распространение печатной продукции. Следовательно, автор каждого сочинения или книги, передающий другому лицу один или несколько экземпляров упомянутой продукции, хотя бы и с целью просвещения, без наличия предварительно полученного разрешения, осуществляет продажу или распространение и нарушает соответствующую статью уложения об уголовных наказаниях.

Итак, вы видите, каковы следствия подобного толкования. На место обычного полицейского предписания заступает закон, который ограничивает право на публичное распространение собственного мнения с помощью прессы.

Монтескье

Вам следовало бы еще стать юристом.

Макиавелли

И это абсолютно необходимо. Ведь каким образом сейчас свергают правительства? С помощью решений, приведенных в соответствие с законодательством, с помощью уловок при толковании конституционного права, прибегая в борьбе против государственной власти ко всем средствам, к любому оружию и любым маневрам, которые прямо не запрещены законом. И вы, пожалуй, согласитесь, что государственная власть имеет право прибегать в борьбе против различных партий к ловким ходам в области права, которые сами партии с такой настойчивостью используют против государственной власти. В противном случае это была бы борьба между неравными противниками, сопротивление было бы невозможным. Оставалось бы одно — уйти в отставку.

Монтескье

Вам предстоит обойти столько рифов, что было бы настоящим чудом, если бы каждый из них могли вы предвидеть заранее. Суды не зависят от ваших решений. При судопроизводстве, которое будет применяться в условиях вашего режима правления, вас измотают многочисленными процессами. Люди, отстаивающие свое право, станут постоянно обращаться в суд и требовать от него иного толкования законов.

Макиавелли

Такое возможно лишь поначалу. Однако когда внушительное число приговоров позволит окончательно определить судопроизводство, никто не сможет более позволить себе то, что им запрещено, и тем самым иссякнет источник процессов. Даже общественное мнение успокоится настолько, что в случае толкования законов оно будет обращаться к официозному толкованию правительства.

Монтескье

Простите, как вы себе это представляете?

Макиавелли

Если при той или иной открывающейся возможности возникнет основание для опасения, что в той или иной части законодательства могут возникнуть определенные затруднения, то правительство в форме официального разъяснения заявит, что закон применим к тому или иному действию, что он распространяется на тот или иной случай.

Монтескье

Однако судебные учреждения никоим образом не связаны с этими заявлениями.

Макиавелли

Вне всякого сомнения. Однако эти заявления, тем не менее, будут иметь огромный авторитет, оказывать огромное влияние на решения судей, если они исходят от столь сильного правительства, которое я создам. Они особенно сильно повлияют на решения отдельных людей, и во многих случаях, а может быть и повсеместно, с их помощью будут предотвращены нежелательные судебные процессы; от таких процессов люди будут отказываться.

Монтескье

Чем дольше мы беседуем, тем более очевидно мне, что ваше правительство тяготеет к патерналистскому подходу. Практически эти судебные обычаи относятся к патриархальным. Мне на самом деле представляется невозможным, чтобы не поверили в ваше заботливое опекунство, осуществляемое в столь ратинированной форме.

Макиавелли

Вам все же придется признать, что я далек от применения тех варварских методов правления, которые вы мне приписывали в начале нашей беседы. Вы видите, что во всем этом сила не играет никакой роли. Я, как и всякий сегодня, опираюсь только на право.

Монтескье

На право сильного.

Макиавелли

Право, претворяемое в жизнь, всегда есть право сильного. Исключения мне неизвестны.

Разговор пятнадцатый

Монтескье

Хотя мы с вами осветили уже довольно широкие сферы, и хотя вы уже почти все организовали, я не могу все же скрыть от вас, что поле вашей деятельности этим не ограничено, если вы намерены успокоить меня заверением, что вашему правительству обеспечено постоянное существование. Больше всего я дивлюсь тому факту, что всенародное голосование положено в основу вашего правления, т.е. элемент, по своей природе являющийся наиболее неустойчивым из тех, которые мне известны. Поймите меня, пожалуйста, правильно. Вы ведь сказали мне, что станете королем?

Макиавелли

Да, королем.

Монтескье

Это будет пожизненная или наследственная монархия?

Макиавелли

Я буду таким монархом, каковы монархи во всех королевствах мира. Трон наследуется моими потомками мужского пола на основании закона о наследовании, в то время как женщины будут исключены из сферы действия этого закона.

Монтескье

Вы далеко не галантны по отношению к женщинам.

Макиавелли

Простите меня, но я придерживаюсь монархических традиций франков и салиев.

Монтескье

Может быть, вы объясните мне, как вы намереваетесь осуществить право наследования на основе демократического плебисцита по образцу Соединенных Штатов Америки.

Макиавелли

Несомненно.

Монтескье

Как! Вы предаетесь надежде связать этим принципом волю грядущих поколений?

Макиавелли

Совершенно верно.

Монтескье

Для начала хотелось бы увидеть, как вы справитесь со всенародным голосованием, если речь идет о его применении при назначении государственных чиновников.

Макиавелли

Каких государственных чиновников? Вам ведь известно, что в государствах с монархическим правлением правительство само назначает чиновников любого ранга.

Монтескье

Все зависит от того, о какого рода чиновниках идет речь. Чиновники, принятые на службу для управления общинами, и при монархическом правительстве как правило выбираются населением.

Макиавелли

Это будет изменено с помощью закона; в будущем их станет назначать правительство.

Монтескье

А что с депутатами, вы и их будете назначать?

Макиавелли

Вы же знаете, что такое невозможно.

Монтескье

Тогда мне вас жаль. Ведь если вы предоставите всеобщему голосованию идти своим чередом, если вы не изобретете здесь нового метода воздействия на результаты, то собрание народных представителей под влиянием партий довольно скоро будет состоять из депутатов, враждебно настроенных к вашему правительству.

Макиавелли

Потому-то я и не намерен вовсе предоставлять плебисциту идти своим чередом.

Монтескье

Я в этом не сомневался. К какому методу вы прибегнете?

Макиавелли

Сначала я поставлю в зависимость от правительства всех, кто намерен представлять народ. И потребую от кандидатов торжественной присяги. Речь идет не о клятве народу, как полагали революционеры 1789 года. Они должны поклясться, что сохраняют верность государю и его конституции.

Монтескье

Поскольку при вашем отношении к политике вы побоитесь нарушить собственную клятву, как можете вы ожидать, что в этом вопросе люди будут честнее вас?

Макиавелли

В политике я мало полагаюсь на совесть людей. Я рассчитываю на силу общественного мнения. Никто не отважится выдать себя перед его лицом, нарушив публично данную клятву. Это тем менее вероятно, что клятва, мною требуемая, должна быть произнесена до выборов, а не после них, и было бы безответственно требовать всенародного голосования, не позаботившись о готовности кандидатов поступить ко мне на службу. Теперь следует дать правительству в руки средства для противостояния и препятствия влиянию оппозиции, чтобы оппозиция не обезвредила людей, намеренных выступать на стороне правительства. При проведении выборов партии обычно называют своих кандидатов и представляют их правительству. Я сохраню этот порядок. Я выставлю кандидатов и представлю их партиям.

Монтескье

Если бы вы не обладали всей полнотой власти, это средство следовало бы отклонить, поскольку при объявлении открытой борьбы вы вызываете ответные удары.

Макиавелли

Я ожидаю, что доверенные лица моего правительства от начала до конца будут бороться за победу моих кандидатов.

Монтескье

Это само собой разумеется, это следует из предыдущего.

Макиавелли

Здесь все имеет максимальную значимость: «Законы, которые вводят всеобщее голосование, имеют основополагающее значение; вид и способ проведения плебисцита принципиально важен; закон, регулирующий порядок подачи бюллетеней для голосования, является основным законом».¹ Разве не вы сами это утверждали?

¹ Дух законов. Кн. II, Гл. 2.

Монтескье

Иногда я не узнаю собственных слов, когда их произносите вы. Я уверен, что цитируемые вами слова имеют отношение к демократическому правительству.

Макиавелли

Разумеется, у вас уже был повод увидеть, что основная суть моей политики состоит в том, что я опираюсь на народ, что, хотя на голове моей корона, моя явная и открыто провозглашаемая цель — быть представителем народа. Как душеприказчик всех сил, возложивших на меня эту миссию, я единственное истинно доверенное лицо. Мои действия — действия народа. Вследствие этого не представляется возможным позволить партиям на время выборов вытеснить своим влиянием ту полноту власти, которая воплощена в моей персоне. Поэтому я отыскал и иные средства для обезвреживания их усилий. Задумаетесь о том, что, например, закон, запрещающий собрания, естественным образом применим только к тем собраниям, которые созываются во время выборов. Таким образом, партии лишаются всяких контактов друг с другом и всякой возможности договориться между собой.

Монтескье

Почему вы все время выводите на первый план партии? Под предлогом воздвижения препятствий на их пути вы препятствуете самим избирателям. Партии, в конечном счете, представляют собой коллектив избирателей. Если избиратели лишены гласности собраний и обсуждений, разве смогут они затем отдать свои голоса на основе достоверных знаний?

Макиавелли

Я примечаю, что вы и не подозреваете, как ловко и утонченно политики умеют обходить запреты. Не стоит беспокоиться об избирателях. Избиратели, обладающие доброй волей, всегда будут знать, кому они должны отдать свои голоса. Вообще же я буду вполне толерантным. Я не только не запрещаю собраний, проводимых в интересах моих кандидатов, но и пойду так далеко, что не обращаю внимания на агитацию за нескольких народных кандидатов, проводимую с большим шумом во имя свободы. Знайте только, что люди, кричащие громче всех, состоят у меня на жаловании.

Монтескье

Каким образом вы станете регулировать сам процесс голосования?

Макиавелли

Во-первых, что касается выборов в сельской местности, я не желаю, чтобы избиратели отдавали свои голоса на крупных избирательных участках, где они могут войти в соприкосновение с духом оппозиции, царящим в городах, и где они могут познакомиться с лозунгами, распространяемыми в столице. Я хотел бы, чтобы каждая община имела свой избирательный участок. Результат этой внешне предельно простой инструкции будет довольно значительным.

Монтескье

Это вполне очевидно. Вы принуждаете к тому, чтобы в сельской местности выбирали либо из множества незначительных личностей, либо, по недостатку известных имен, из кандидатов, названных вашим правительством. Меня бы крайне удивило, если бы в таких условиях были выбраны умные и талантливые кандидаты.

Макиавелли

Для сохранения порядка в государстве требуется меньше одаренных людей и больше людей, преданных правительству. Высоким интеллектом обладает человек, сидящий на троне, а также люди из его непосредственного окружения. В любом другом месте интеллекта не требуется, более того, он практически вреден, поскольку может действовать только против государственной власти.

Монтескье

Ваши афоризмы удивительно отточены. У меня более нет оснований возражать вам. Поведайте мне, пожалуйста, о других особенностях, связанных с голосованием.

Макиавелли

По тем же причинам, которые я вам только что изложил, я не приемлю голосований за списки, так как в этом случае возможна фальсификация выборов и допускается объединение между собой людей, при-

держивающихся различных принципов. Я поделю избирателей на такие избирательные округа, в каждом из которых будет избираться лишь один депутат, следовательно каждый избиратель сможет вписать в свой бюллетень только одно имя.

Кроме того, должна иметься возможность нейтрализации оппозиции в тех избирательных округах, в которых ее деятельность могла бы стать слишком заметной. Я имею в виду, что на прежних выборах определенные избирательные округа выделялись тем, что большинство поданных голосов было направлено против правительства, или можно было предположить, что в этом округе проголосуют против правительственного кандидата. Нет ничего более легкого, чем устранить подобного рода трудности. Если в избирательном округе небольшое число жителей, то его присоединяют к соседнему или расположенному не столь близко избирательному округу с довольно большим числом жителей, в котором голоса представителей первого округа не будут играть какой-либо роли и представители этой политической ориентации затеряются среди прочих. Если же, напротив, во враждебно настроенном избирательном округе живет очень много людей, то его разбивают на несколько избирательных округов, которые присоединяют к соседним округам, уничтожая таким образом его влияние. Вы поймете, что я не останавливаюсь на многочисленных подробностях, имеющих лишь второстепенное отношение к целому. Так, например, я раздроблю в чрезвычайном случае избирательные округа на избирательные участки, чтобы при необходимости дать правительству больше поводов для вмешательства, и назначу председателями избирательных комиссий по округам и участкам тех чиновников общин, назначение которых зависит от правительства.

Монтескье

С определенной долей удивления я отмечаю, что вы не прибегаете к мере, которую вы в свое время рекомендовали Льву X и которая заключается в том, что члены счетной комиссии после подсчета голосов заменяют поданные бюллетени другими.

Макиавелли

Сейчас, пожалуй, это было бы нелегко сделать, и я думаю, что к этому средству следует обращаться с величайшими предосторожностями. У дееспособного правительства к тому же существует много иных

вспомогательных средств! Ему не нужно покупать голоса избирателей напрямую, то есть за наличные деньги, однако ему не составит труда с помощью различных концессий в управлении принудить население голосовать так, как выгодно правительству: послушным городам и селениям раздаются обещания о строительстве портов, рынков, улиц, каналов, а тем, которые голосовали против правительства отказано во всем.

Монтескье

Я не могу упрекнуть вас в недостаточной продуманности ваших планов. А вы не боитесь, что станут говорить, как вы частично фальсифицировали выборы, частично оказали давление на избирателей? Вы не боитесь скомпрометировать свою государственную власть ее слишком прямым участием в избирательной борьбе? Самая незначительная победа над вашими кандидатами будет восхваляться как победа блестящая, загоняющая ваше правительство в угол. Мне доставляет беспокойство мысль о том, что всем вашим предприятиям должен сопутствовать успех, в противном случае произойдет тотальная катастрофа.

Макиавелли

Вы слишком боязливы. Успокойтесь же. Если я зашел так далеко, то мне удалось слишком многое, чтобы я не боялся споткнуться на мелочах. Знаменитой песчинке Боссюэ, которая может привести к падению, для истинного политика не существует. В своей карьере я зашел так далеко, что без всякой опасности могу бросить вызов и бурям. Что значат при этом небольшие затруднения правительства, о которых вы говорите? Неужели вы думаете, что я настолько честолобив, чтобы возмнить себя идеальным? Я достаточно хорошо знаю, что ошибок не избежать. Без всякого сомнения, я не смогу воспрепятствовать тому, чтобы то там, то здесь возникали случаи применения насилия и скандалы. Разве может это воспрепятствовать общему благополучному продвижению вперед? Важно не избегать ошибок, а брать на себя ответственность за ошибку с тем энергичным жестом, который импонирует людям, намеренным меня унизить. Даже если оппозиции удастся провести в мой парламент нескольких демагогов, разве это должно меня сильно беспокоить? Я не отношусь к тем, кто не желает учитывать умонастроений своей эпохи.

Принцип равновесия сил — один из моих важнейших принципов. Точно так же, как я обезврежу прессу с помощью самой прессы, я справлюсь с парламентскими ораторами с помощью ораторов. У меня будет достаточное число людей, владеющих ораторским искусством и способных произносить многочасовые речи. Основное состоит в том, что имеется прочное большинство и президент, на которого можно положиться. Вести дебаты и проводить голосование — это особое искусство. Но нужны ли мне эти приемы парламентского искусства? Из двадцати членов палаты девятнадцать будут мне преданы, и они будут голосовать на основании соответствующих инструкций, в то время как я разверну театр искусственной и тайно подкупленной оппозиции. И тогда пусть говорят сколько угодно, пусть произносят самые прекрасные речи. Они просвистят в ушах моих депутатов, как ветер в замочной скважине. Вы хотите еще что-нибудь услышать о моем сенате?

Монтескье

Нет, мне стоит только вспомнить о Калигуле, чтобы знать, что можно сделать с сенатом.

Разговор шестнадцатый

Монтескье

Разрушение коллективных сил и уничтожение партий является главной целью вашей политики. Вы придерживались этой программы. Однако вокруг вас мне видится многое из того, чего вы не касались. Вы еще не подчинили себе духовенство, университет, адвокатуру, народное ополчение, торговые компании. Мне представляется, что среди этих условий достаточно опасных элементов.

Макиавелли

Я не могу рассказывать вам обо всем сразу. Поговорим сначала о национальной гвардии или о народном ополчении, ведь ими мне не пришлось бы более заниматься. Их роспуск неизбежно был бы одной из первых мер при захвате власти. Организацию народного ополчения

нельзя совместить с существованием постоянной армии, поскольку граждане, имеющие в руках оружие, в подходящем случае могут обратиться во врагов. Однако это дело не лишено трудностей. Хотя национальная гвардия представляет собой никчемное учреждение, ее название довольно популярно. В государствах, опирающихся на военную силу, она соответствует ребяческим инстинктам определенных кругов населения, которые довольно комичным образом соединяют в себе склонность к военным парадом с предпринимательскими интересами. Хотя речь идет и о безобидной страсти, было бы небезопасно и глупо препятствовать ей, тем более что государь никогда не должен пробуждать подозрения, будто он преследует иные интересы, кроме интересов бюргерства, которое считает, что, вооружив граждан, оно себя тем самым защитило.

Монтескье

Однако вы распускаете это народное ополчение.

Макиавелли

Я распушу его, чтобы вновь создать на иных основаниях. При этом главное — поставить его под начало чиновников гражданских властей и лишить его права самостоятельно выбирать своих начальников. Я поступлю в согласии с этими положениями. Кстати, я создам отряды народного ополчения только в тех местах, где мне это покажется целесообразным, и я сохраню за собой право их роспуска и нового созыва на иных основаниях, если того потребуют обстоятельства. Об этом предмете мне вам более нечего сказать. Что касается университетов, то их современное состояние вполне удовлетворительно. Вам ведь известно, что крупные учебные заведения организованы сегодня иначе, чем прежде. Мне рассказывают, что они почти повсеместно утратили свою независимость и являются всего лишь общественными учреждениями, состоящими на службе у государства. А там, где представлено государство, представлен и монарх, о чем я вам говорил уже не раз. Интеллектуальное руководство государственными учреждениями он держит в своих руках, его чиновники воздействуют на умы молодежи. Руководители и члены преподавательских коллективов любого уровня назначаются правительством, они зависят от правительства, они связаны с ним, и этого достаточно. Если вдруг обнаружатся там или здесь некоторые следы самостоятельности в какой-либо общественной школе или высшем учебном заведении, то не составит труда подчинить их центру единого руководства. Это делается с помощью инструкций или обычно-

го указания министерства. Я отброшу сейчас подробности, на которых нет смысла останавливаться. Однако я не хочу завершать эту тему, не сказав вам, что я придаю важное значение выделению из общего процесса обучения юридическим наукам занятий, посвященных изучению конституций разных государств.

Монтескье

Вы, по всей видимости, имеете на то полное основание.

Макиавелли

Причины вполне просты. Нежелательно, чтобы молодые люди, только что вышедшие из школы, сразу же окунались в вопросы политики, чтобы восемнадцатилетние юнцы занимались созданием проектов конституций, как занимаются сочинением пьес. Такие занятия нанесут лишь вред молодым умам и преждевременно привлекут их внимание к предметам, лежащим за рамками их понимания. На таких плохо усвоенных и неправильно понятых идеях нельзя воспитывать настоящих государственных мужей, воспитаешь лишь утопистов, непродуманные мысли которых позднее воплотятся в необдуманные действия. Те поколения, которым суждено родиться при моем правлении, будут воспитаны на принципе уважения к существующим порядкам и любви к монарху. Поэтому я с максимальным умением употребляю свою власть над народным образованием. Я полагаю, что в школах вообще неправомерно пренебрегают историей современности: знать свою эпоху столь же необходимо, как и времена Перикла. По моему повелению историю моего правления будут изучать в школе еще при моей жизни. Таким способом новый монарх найдет путь к сердцам нового поколения.

Монтескье

Если я вас правильно понял, это преподавание будет заключаться в постоянной апологии ваших деяний?

Макиавелли

Само собой разумеется, я не допущу, чтобы меня представляли в дурном свете. Иным средством, которое я употребляю, будет оказание противодействия свободе наук, от которых нельзя будет прямо отказаться.

В университетах достаточно профессоров, свободное время которых можно использовать для распространения благонамеренных учений вне стен аудиторий. Я заставляю их открыть свободные курсы во всех значительных городах и таким образом способствовать одновременно образованию и распространению влияния правительства.

Монтескье

Иными словами, вы поглощаете и конфискуете в свою пользу даже самые последние проблески самостоятельного мышления.

Макиавелли

Я вовсе ничего не конфискую.

Монтескье

Позволите ли вы иным профессорам, кроме преданных вам, равным образом нести знания народу без получения разрешения, без соответствующего документа?

Макиавелли

Что? Уж не хотите ли вы, чтобы я одобрил образование политических обществ?

Монтескье

Нет. Продолжайте же.

Макиавелли

Среди большого числа мер, необходимых для блага моего правительства, вы обратили мое внимание на меры, связанные с адвокатским сословием. Если я займусь этим вопросом, то распространю свою деятельность и на область, в настоящий момент не представляющуюся необходимой. Кроме того, я допущу здесь вмешательство и в сферу интересов гражданского права, а вы уже знаете, что я придерживаюсь принципа держаться от него подальше. В государствах, в которых адвокатское сословие образует корпорацию общественного права, подданные рассматривают независимость этой организации как защиту и верят, что

она неотделима от права защиты перед судом. Они выступают за эту независимость, словно речь идет об их собственной чести, их интересах или их жизни. Всякое вмешательство здесь затруднительно, поскольку общественное мнение будет возбуждено воплями возмущения, которые наверняка поднимет вся эта корпорация. Однако я вполне отчетливо сознаю, что это сословие оказывает влияние, которое может оказаться крайне враждебным по отношению к моему правлению. Эта профессия — вам это известно лучше, чем мне, Монтескье, — формирует холодный и умеющий жестко отстаивать свои принципы характер, формирует людей, все стремления которых направлены на то, чтобы постоянно проверять, основываются ли действия правительства на фундаменте чистой законности. У адвоката, в отличие от чиновников, нет ярко выраженного чувства социальной необходимости. Он рассматривает закон с слишком короткой дистанции и под слишком малым углом зрения, чтобы обладать верным ощущением такого рода необходимости, в то время как чиновник...

Монтескье

Вам вовсе нет нужды его оправдывать.

Макиавелли

Совершенно верно. Ведь я помню, что мой собеседник — один из крупных чиновников, служивших столь блестящей опорой трону французского монарха.

Монтескье

И один из тех, кого не так-то легко было побудить к выполнению распоряжений, противоречащих конституции.

Макиавелли

И тем самым вы в конце концов уничтожили государство. Я не желаю, чтобы мои суды превратились в парламенты и чтобы адвокаты занимались политикой, будучи защищенными неприкосновенностью, гарантируемой им их сословием. Величайший человек столетия, оказавший вашему отечеству честь своим рождением, сказал: «Я хотел бы, чтобы любому адвокату, плохо отозвавшемуся о своем правительстве, можно было отрезать язык». Современные нравы не столь жестоки.

Я бы не стал заходить так далеко. В первый день моего прихода к власти я ограничусь совсем простой мерой: издам указ, который полностью признавая независимость адвокатского сословия, подчинит адвокатов предписанию, по которому начальника адвокатов назначает на должность сам монарх. В констатирующей части моего указа не составит труда объяснить клиентам адвокатов, что в случае такого назначения обеспечивается более эффективная защита, чем в том случае, если адвокатский корпус пополняется сам из себя, т. е. в некотором роде из сомнительного общества.

Монтескье

Воистину, самым отталкивающим мерам можно отыскать разумное объяснение. Однако расскажите теперь, как вы намерены обойтись с духовенством. Это такая организация, которая лишь частично зависит от государства и опирается на духовную власть, резиденция которой расположена вне пределов вашего государства. Я должен даже сказать, что я не знаю более никакой силы, которая была бы для вашего правительства опасней, чем эта власть, обращающаяся к нам от имени небесных сил и повсеместно опирающаяся на земное начало. Не забывайте, что христианская проповедь — это проповедь свободы. Вне всяких сомнений, с помощью государственных законов проведена четкая граница между сферами религиозной и политической власти; вовсе не следует сомневаться и в том, что священники поднимут свой голос только от имени Евангелия; однако божественный дух, исходящий от Евангелия, является камнем преткновения для материализма политики. Одна эта книга, полная смирения и кротости, уничтожила Римскую Империю, императоров и их власть. Народы, открыто признающие христианство, все больше будут уходить из под влияния деспотизма, поскольку христианство слишком высоко чтит достоинство человека, чтобы на него посмел посягнуть деспотизм. Оно раскрепощает духовные силы, на которые власть человеческая не оказывает влияния. Берегитесь священника!

Он зависит от Бога, но влияние его распространяется повсеместно — на церковь, семью, школу. У вас нет власти над ним. Он подчиняется не вам, он подчиняется порядку, который не затронут посягательствами закона и власти. Если вы — монарх католического государства и духовенство — ваш враг, то рано или поздно вы обречены на поражение, даже если за вами стоит весь народ.

Макиавелли

Я действительно не знаю, как вам приходит в голову, что священник является апостолом свободы. Ничего подобного я никогда не наблюдал ни в былые времена, ни в современных условиях.

Я всегда рассматривал духовенство как естественную опору абсолютизма. Подумайте только: если в интересах упрочения моего государства я принужден был сделать уступки демократическому духу своего времени, если я превратил всеобщее избирательное право в основу своего господства, то все это — лишь ловкий прием, обусловленный духом эпохи; я таким же образом воспользуюсь господством небесного провидения, и по этой причине явлюсь монархом милостью Божией. С этой точки зрения духовенство должно меня поддерживать, поскольку мои авторитарные принципы согласуются с подобными же принципами клира. Если же духовенство займет враждебную позицию, если оно употребит свое влияние на ведение тайной войны против моего правительства...

Монтескье

Что тогда?

Макиавелли

Я вызову раскол в церкви, который разорвет все узлы, связывающие клер с римской курией, поскольку там располагается гордиев узел. Моя пресса, мои журналисты и политики зададут такую линию в своих выступлениях: «Христианство не связано с католицизмом; то, что запрещает католическая церковь, разрешает христианство. Независимость духовенства от государства, его подчинение римской курии — все это чисто католические догмы. Такое положение дел создает постоянную угрозу безопасности государства. У верующих в нашей империи верховным священнослужителем не должен быть иностранец. Это означало бы, что порядок в стране будет поставлен в зависимость от произвола власти, которая в любую минуту может стать нашим врагом. Любая средневековая иерархия, связанная с отношением к народам как к находящимся в младенчестве и требующим пастыря, более не соответствует мужественному духу современной культуры, ее просвещенному началу и ее самостоятельности. Почему властителя духовного следует искать

в Риме? Почему политический авторитет не может совпадать с авторитетом религиозным? Почему монарх не может быть одновременно и первосвященником?»¹ Это линия, которую станет проводить пресса, и в особенности пресса либеральная, и вполне вероятно, что основная масса народа воспримет ее с радостью.

Монтескье

Если вы поверите в это и рискнете предпринять что-либо подобное, вы тотчас же, и наверняка самым ужасным образом, узнаете, что означает власть католической церкви даже для тех народов, у которых она, по всей видимости, ослаблена.

Макиавелли

Чтобы я стал такое предпринимать! Боже праведный! Нет, на коленях молю я Господа и повелителя нашего о прощении, если я хоть словом поддержал подобного рода гнусные намерения, порожденные лишь одной ненавистью к католицизму. Но Бог, давший людям власть, не запрещает этой власти защищаться от интриг клира, который ведь преступает заповеди Евангельские, отказывая повелителю в послушании. Мне слишком хорошо известно, что работа против меня будет вестись путем воздействия на народ, которое невозможно уловить; однако я отыщу средства вычислить человека, направляющего это воздействие, пусть даже он находится в лоне римской курии.

Монтескье

Как вы намерены осуществить это?

Макиавелли

Будет достаточно указать папскому правительству на духовное состояние, в котором пребывает мой народ, страждущий под гнетом церкви, стремящийся освободиться от него, способный собственными усилиями покинуть лоно католической церкви и привести к расколу духовенства, как это было осуществлено церквами греческой и протестантской.

¹ Дух законов. Кн. XXV. Гл. 12.

Монтескье

Действие вы подменяете угрозой!

Макиавелли

Вы слишком заблуждаетесь, Монтескье, и не осознаете моего преклонения перед папским тронem. Роль, которую я хотел бы играть, миссия, которая приличествует мне как католическому монарху, как раз в том и заключалась бы, чтобы быть патроном церкви. Вам известно, что в современных условиях мирская власть церкви находится под серьезной угрозой именно вследствие всеобщего неприятия религии и из-за действий стран, расположенных к северу от Италии. Я обратился бы к Святому Отцу с такими словами: я окажу Тебе поддержку в борьбе с ними, я — Твое спасение, в этом я вижу свою обязанность, это — моя миссия; но ничтожнейшее, что я требую взамен, это Твой отказ нападать на меня, Твое обещание поддерживать меня силой Твоего духовного величия. И я не потребую слишком многого, поскольку сам сильно рискую собственной популярностью, выступая как защитник мирской власти церкви, которая сегодня, к сожалению, в глазах так называемой европейской демократии утратила свое влияние. Меня это не испугает. Я не только буду препятствовать любым выступлениям против суверенитета святой церкви со стороны соседних государств, но и в случае нападения на нее, в случае попыток изгнать папу из Ватикана, что уже часто имело место, мои солдаты сумеют вернуть его в святое государство и будут оказывать ему постоянную защиту до тех пор, пока я нахожусь у власти.

Монтескье

Это на самом деле будет шедевром вашей политики, поскольку, если в Риме вы будете содержать постоянный воинский гарнизон, папа будет в ваших руках примерно в такой же степени, как если бы его резиденция размещалась в одной из провинций вашей империи.

Макиавелли

И теперь-то вы поверите, что после оказания с моей стороны такой услуги папству, папа не станет уклоняться от того, чтобы поддержать мое монаршество, что он сам при удобном случае не преминет короновать меня в моей столице. История знает такие случаи.

Монтескье

Несомненно, в истории имеются тому примеры. Однако как вы поступите, если престол святого Петра будет занимать не какой-нибудь Борджиа или Дюбуа, а папа, противостоящий вашим интригам и прекословящий вам?

Макиавелли

В этом случае пришлось бы решиться на то, чтобы способствовать его падению под предлогом защиты светской власти.

Монтескье

В вашу голову приходят действительно гениальные мысли!

Разговор семнадцатый

Монтескье

Я сказал, что вам в голову приходят гениальные идеи, и таковые действительно необходимы, чтобы придумать все это и осуществить. Теперь мне понятен смысл басни о боге Вишну. У вас, как и у индийского бога, сотня рук, и каждый ваш палец касается одной из областей политической жизни. Способны ли вы уследить за всем тем, чего вы касаетесь?

Макиавелли

Несомненно, поскольку я превращу полицию в столь всеобъемлющую организацию, что в пределах моей империи половина людей будет занята слежкой за другой половиной населения. Вы позволите поделиться с вами некоторыми подробностями об организации моей полиции?

Монтескье

Сделайте милость.

Макиавелли

Я начну с создания министерства полиции, которое займет самое важное место среди моих министерств. В нем сконцентрируются многочисленные службы — и негосударственные, предназначенные для этой части моего аппарата управления.

Монтескье

Однако если вы осуществите это, ваши подданные тотчас же заметят, что они опутаны ужасной сетью.

Макиавелли

Если это ведомство вызовет ответную реакцию, я распушу его и, если вам это больше нравится, назову его государственным министерством. Кроме того, я повелю учредить соответствующие службы при других министерствах, большинство из которых будут напрямую связаны, не привлекая ничьего внимания, с теми организациями, которые вы называете министерствами внешних сношений и внутренних дел. Вы наверняка понимаете, что эти службы будут заниматься вовсе не дипломатией, а лишь делами, необходимыми для обеспечения моей защиты от происков различных партий внутри страны и за границей. Можете мне поверить, большинство монархов в этом отношении находятся в том же положении, что и я, а это значит, что они с явной готовностью поддержат меня в моих намерениях, направленных на создание международной полицейской службы в интересах взаимной безопасности. Если мне удастся достичь этой цели, а в этом я вовсе не сомневаюсь, то формы работы моей полиции за границей будут примерно таковы: это будут люди, проживающие жизнь при дворах государей за границей и входящие в свет, однако при этом выполняющие задание по наблюдению за интригами государей и претендентов на трон, изгнанных за пределы нашей страны. Это будут уважаемые революционеры, которых, что вовсе не исключено, я за большие деньги привлеку служить мне в качестве информаторов, сообщающих о происках тайно действующих демагогов. Это будут люди, основывающие в столицах мира политические газеты. Это будут книгоиздатели и книготорговцы, работающие в тех же условиях, тайно получающие денежную поддержку и выполняющие задание по непосредственной слежке за движением умов с помощью прессы.

Монтескье

Дело сводится к тому, что вы ведете работу не столько против партий, враждебных вашей монархии, сколько против самого духа гуманности.

Макиавелли

Вам известно, что подобные выводы не собьют меня с толку. Я хочу, чтобы велось наблюдение за любым человеком, занимающимся политикой и отправляющимся за границу плести интриги, чтобы я получал о нем сведения вплоть до его возвращения в мою империю, где его, без особых церемоний, посадят в тюрьму, чтобы пресечь его новые происки. Чтобы надежнее держать в руках нити революционных интриг, я кое-что придумал, и мне кажется, эта идея неплоха.

Монтескье

Боже, убереги нас от этого! Что вы придумали?

Макиавелли

Я выберу одного из принцев моей династии, стоящего близко к трону, и заставлю его играть роль недовольного: его задача будет состоять в том, чтобы выступать под маской либерала, поносить мое правительство и таким образом вступить в контакт с людьми, занимающими самые высокие посты в моем государстве и имеющими некоторую склонность к демагогии, что даст возможность лучше следить за ними. Принц, которому я доверю эту миссию и который будет хорошо осведомлен об интригах, плетущихся в стране и за границей, будет вести ложную игру со всеми, кто не посвящен в тайну этой комедии.

Монтескье

Неужели вы намерены поручить принцу вашей династии задания, которые вы сами назвали задачами вашей полиции?

Макиавелли

Почему бы и нет? Мне известны правящие государи, которые, будучи в изгнании, состояли на службе в тайной полиции некоторых правительств.

Монтескье

Если я и буду слушать ваши откровения дальше, Макиавелли, то лишь с одной целью: произнести последнее слово в этом отвратительном споре.

Макиавелли

Не стоит так волноваться, господин Монтескье. В вашей книге «Дух законов» вы назвали меня великим человеком.¹

Монтескье

Теперь вы побуждаете меня сильно раскаиваться в этом. Я несу наказание уже тем, что вынужден выслушивать вас. Побыстрее покончите с этими многочисленными жуткими подробностями.

Макиавелли

В стране я должен буду возродить «черный кабинет».²

Монтескье

Что ж, создавайте его снова.

Макиавелли

Лучшие ваши монархи прибегали к его помощи. Тайна переписки не должна служить сокрытию заговоров против правительства.

Монтескье

Вы этого боитесь. Я понимаю.

Макиавелли

Вы заблуждаетесь. При моем правлении будут заговоры. Они должны возникать.

¹ Дух законов. Кн. VI. Гл. 5.

² Черный кабинет (*cabinet noire*) был создан при Людовике XIV. В этом тайном учреждении осуществлялась перлюстрация писем и по государственному распоряжению нарушалась тайна переписки. — Прим. переводчика.

Монтескье

Что все это значит?

Макиавелли

Возможно, существуют подлинные заговоры, мне это может быть неизвестно; однако наверняка будут и псевдозаговоры. В некоторые моменты они могут стать прекрасным средством оживления симпатии народа к своему монарху, если его популярность начнет падать. Вызывая в публике беспокойство, в нужных случаях получаешь в свои руки жесткие средства для подавления беспорядков, тебе необходимые, или поддерживаешь авторитет уже имеющихся строгих мер. Затеваемые лишь для видимости заговоры, с которыми, само собой разумеется, требуется обращаться особенно осторожно, обладают и преимуществом: они дают возможность раскрыть настоящий заговор, так как они дают повод к ведению расследования, позволяющего повсюду идти по следам тех, кто находится под подозрением.

Нет ничего более ценного, чем жизнь монарха. Ее следует окружить бесчисленными защитными стенами, то есть бесчисленными агентами. Однако этот отряд тайной охраны следует так умело маскировать, чтобы при появлении монарха на людях не возникало впечатления, будто его объемлет страх. Мне рассказали, что в Европе меры безопасности в этом отношении столь совершенны, что государь, выходящий на улицу, может выглядеть как обычное частное лицо, прогуливающееся в людской толпе без охраны, в то время как он окружен двумя или тремя тысячами телохранителей. В остальном я полагаю, что полиция должна пронизывать все слои общества. Не должно существовать ни одной встречи или заседания, ни одного общественного объединения, ни одной семьи, в которой на нашлось бы уха, улавливающего то, что говорится в этом месте и в этот час. Человек, однажды получивший в свои руки власть, сталкивается с явлением, что люди с удивительной легкостью доносят друг на друга. И что еще более удивительно, у людей развивается дар наблюдения и чутье, равные качествам, которые имеет персонал политической полиции. Вы себе представить не сможете их хитрые уловки, их искусство менять внешность, их надежный инстинкт, их страсть в проведении расследований, их терпение, их умение молчать. Во всех общественных слоях найдутся люди, которые будут заниматься этим профессионально, и даже с определенной любовью к своему ремеслу.

Монтескье

Ага! Вы наконец открываете занавес!

Макиавелли

Совершенно верно! Ведь в изнаночной стороне власти существуют тайны, которые вызывают у нас страх, когда предстают перед нашим взором. Я пощажу вас и не стану рассказывать о вещах еще более мрачных, чем те, о которых вы уже слышали. С помощью системы, которую я организую, я настолько полно буду информирован обо всем, что смогу с терпением относиться даже к некоторым преступным действиям, поскольку обладаю властью воспрепятствовать им в любую минуту.

Монтескье

А почему вы намерены проявить терпение по отношению к подобным вещам?

Макиавелли

Из тех соображений, что абсолютный монарх в европейских государствах не должен слишком назойливо пользоваться своей властью по той причине, что в обществе всегда имеются подводные течения, совладать с которыми можно лишь тогда, когда они явно выходят на поверхность; поскольку следует тщательнейшим образом избегать беспокоить общественное мнение тем, что безопасность правительства расценивается как находящаяся под угрозой; потому что партии вполне удовлетворяются ворчанием и безобидными уколами, пока они лишены всякой силы, и было бы глупостью обезоруживать их настолько, чтобы они пришли в ярость. Таким образом, следует спокойно выслушивать их жалобы, время от времени раздающиеся со страниц газет и книг. Они попытаются в некоторых своих выступлениях и речах намекать на правительство. Они под разными предлогами будут приводить скромные доказательства собственного существования. Все эти попытки будут крайне робкими, это я вам гарантирую, и если общественность их услышит, они вызовут лишь насмешку. Меня будут считать достаточно сильным, чтобы относиться к этому спокойно. Меня лишь будут считать слишком терпеливым. Поэтому я во всех этих вопросах проявлю

терпение — само собой разумеется, лишь к тому, что мне не покажется опасным. Я не хотел бы, чтобы о моем правительстве говорили, что оно чрезмерно подозрительно ко всему относится.

Монтескье

Ваши суждения напоминают мне о том, что в ваших законах и инструкциях осталась брешь, и при этом очень серьезная.

Макиавелли

Что вы имеете в виду?

Монтескье

Вы не затронули личной свободы.

Макиавелли

Я и не буду ее касаться.

Монтескье

Вы уверены, что вам это удастся? Если вы оставили за собой возможность терпимо относиться к каким-либо вещам, то вы в принципе оставили за собой право препятствовать всему, что вам кажется опасным. Если этого только требуют интересы государства или какая-либо срочная мера безопасности и в вашем государстве предстоит немедленно подвергнуть аресту человека, — как это можно осуществить, если в вашем законодательстве будет что-либо вроде законов *habeas corpus*¹, если для ареста необходимо соблюсти соответствующие формальности, если с этой целью необходимо дать соответствующие гарантии? Пока вы начнете процесс, пройдет достаточно много времени.

Макиавелли

Позвольте заметить следующее. Если я уважаю свободу личности, я тем самым не отказываюсь вовсе от некоторых полезных изменений в организации судопроизводства.

¹ Закон о неприкосновенности личности, принятый английским парламентом в 1679 г. — Прим. переводчика.

Монтескье

Я об этом как раз подумал.

Макиавелли

Ваше торжество преждевременно. Речь идет о совсем обычной вещи. Кто в общем и целом регламентирует свободу личности в ваших государствах с парламентской системой правления?

Монтескье

Это компетенция Верховного суда, состоящего из судей, число которых и независимость гарантируют подсудимым соблюдение их прав.

Макиавелли

Это, вне всякого сомнения, довольно неудачная организация. Как при той медлительности, с которой этот Верховный суд принимает решения, юстиция сможет осуществлять с необходимой быстротой аресты преступников?

Монтескье

Каких преступников?

Макиавелли

Я имею в виду людей, совершивших убийство, кражу, преступление и иное деяние, подлежащее осуждению на основе уголовного законодательства. Судебным властям такого рода необходимо придать единство действий, которое им необходимо. Я заменю ваш Верховный суд одним единственным судьей, в задачу которого будет входить выдача разрешения на арест преступника.

Монтескье

Однако здесь вовсе не идет речь о преступниках. Учреждением такого порядка вы угрожаете свободе всех граждан. Будут ли, по меньшей мере, сообщаться основания для предъявляемого обвинения, являющегося причиной ареста?

Макиавелли

Именно это и нежелательно. Если кто-либо предпринимает какие-либо действия против правительства, он столь же, и даже в еще большей мере, виновен, как если бы он совершил преступление или уголовно наказуемый проступок. Некоторые проступки подлежат более мягкому осуждению, если учитывается тяжелое положение или страдания, приведшие к этому проступку. Но что толкает человека к занятиям политикой? Поэтому я хочу, чтобы не делалось различия между уголовными и политическими преступлениями. Куда подевался рассудок у нынешних правительств, когда они предоставили своим хулителям что-то вроде кафедры, с которой те могли бы произносить свои преступные речи? В моем государстве зарвавшийся журналист будет сидеть в тюрьме вместе с обычным воришкой и тем самым будет к нему приравнен. Того, кто ведет агитацию против правительства, в уголовном суде посадят на ту же скамью обвиняемых, что и фальшивомонетчика, и убийцу. Это будет отличное и примечательное изменение в законодательстве, поскольку общественное мнение, в конце концов, будет относиться к тем и другим с одинаковым презрением, увидев, что с обвиняемыми в политическом преступлении обходятся так же, как с обычными преступниками.

Монтескье

Вы окончательно уничтожаете правосознание. Однако вас это не беспокоит. Меня удивляет лишь, что вы сохраняете суд присяжных.

Макиавелли

В государствах с централизованной системой правления, каким будет мое государство, присяжных назначают государственные чиновники. В случае обычного политического преступления мой министр юстиции всегда имеет возможность назначить для участия в суде тех присяжных, которые выбраны, чтобы вынести решение относительно этого определенного случая.

Монтескье

Ваше законодательство в самом деле безупречно. Мы можем перейти к какой-либо другой теме.